

Р.Р. Рахимов

ПУТИ К СВЯТЫНЕ В ТЕСНИНЕ ГОР

Принимаясь за написание предлагаемой статьи, я первым делом оглядываюсь назад — к началу 30-х годов XX в., когда Н.А. Кисляков исследовал этот высокогорный объект мусульманского культа [Кисляков 1934: 181–189]. Интересующий меня *мазор* / *мазар* («место паломничества и поклонения») *хазрат* 'а («святой») Бурха Н.А. Кисляков рассматривал в аспекте, как он подчеркивает, «описания эксплуататорской экономики, выросшей на основе почитания святости Бурха» [Там же: 186]. Конечно, избранный тогда молодым исследователем угол зрения в оценке практики паломничества к этому мазару был продиктован актуальным в его время классовым подходом в гуманитарных науках. Но это несколько не умаляет значимость работы Н.А. Кислякова. Он прекрасно понимал важность исследования данного объекта культа в аспекте религиозной практики местного населения.

Совершенно очевидно, что разбор многообразных сюжетов, в том числе и маршрутов к интересующему меня объекту культа, невозможен без учета сведений, содержащихся в публикации Н.А. Кислякова. Обращаясь к этой теме, я предпринимаю попытку сравнить данные этого исследователя, относящиеся к идейным основам, определившим облик самого комплекса мазара, с тем, что он представляет собой в наше время.

Центральный вопрос — какие мотивы души заставляют верующего мусульманина отправляться паломником в каменные теснины гор, где берет свое начало река Оби Мазор — основной приток¹ Хингоу, которая, сливаясь с рекой Сурхоб, дает начало реке Вахш — одному из двух мощных рукавов Аму-Дарьи. Для его решения нужно обратиться к мифологии эпонима мазара.

¹ Второй приток реки Хингоу, который протекает вдоль хребта Петра I, справа от него, именуется *Арзинг*. Оби Мазор и Арзинг сливаются западнее селения Сангвор.

Соответственно обращение к фольклорной традиции, в фокусе которой рассказы о ритуальном комплексе, преследует цель привлечения некоторых легенд и преданий о святом Бурхе в дополнение к тем, что зафиксированы Н.А. Кисляковым. Опираясь на имеющиеся рассказы о мусульманском хазрате, я в первом приближении коснусь некоторых граней представлений таджиков о формировании культа Бурха, с которым связан исследуемый мазар. По ряду признаков, сюжет представляет интерес как пример интегрирования элементов языческих религиозных практик в живую ткань культа святых в исламе, нормы и принципы которого таджики исповедуют с VIII в.

Насколько известно, интересующее нас место поклонения в практике паломничества в центрально-азиатском исламе русскоязычному читателю известно в основном благодаря названной работе Н.А. Кислякова. Легенда об эпониме данного сакрального места, зафиксированная им, с весьма незначительными изменениями вошла также в «Сказки и легенды горных таджиков» [Сказки и легенды... 1990: 195–19]. О.А. Сухарева установила, что рассказ о святом Бурхе известен и в Бухаре [Сухарева 1960: 46–47]. Из монографии В.Н. Басилова, который уделял много внимания анализу этого образа, мы узнаем, что под именем *Буркут-девана* («Буркут-одержимый / юродивый, бесноватый») герой фигурирует также в верованиях и легендах туркмен [Басилов 1970: 25–40; 1991: 195–196]. Некоторая информация на тему о святом Бурхе накоплена таджикскими исследователями [Яькубов 2001: 31–42]. Интерес представляет также публикация на эту тему в «Джойхои мукаддаси Тоджикистон» [Джойхои... 2005: 27–31]. Об интересующем нас мазаре имеется публикация и в Интернете [Сазонов 2007: 1–5]. Во время второго моего посещения святыни Бурха в 2008 г. ее настоятель Шокир Зокири любезно подарил мне книгу таджикского исследователя Абдумалика Шехова, посвященную хазрату Бурху [Шехов 2006]. Несмотря на небольшой объем, она содержит много интересных сведений о мифологии Бурха.

Как видно, историография рассматриваемого вопроса вполне достаточна. Опубликованные о хазрате работы дают ясное представление о его образе как странника, юродивого, чудотворца, а также хозяина облаков и дождя. Не достает только попытки анализа мифа в ключе его «историзации». Все это — задача дальнейших исследований о святом. Представленная работа призвана дать представление об основных маршрутах к интересующему нас ритуальному комплексу.

1. Путь к мазару: поездка 2007 г. У таджиков существует поговорка, которая в русском переводе звучит так: «Задуманное дома не совпадает с реальностью цен на рынке». Это в том смысле, что человек из

какого-нибудь отдаленного района отправляется в город, предположим в Самарканд, чтобы там, на городском базаре приобрести необходимые для семьи вещи. У него все рассчитано: денег столько, сколько нужно для намеченной покупки. Но, прибыв в город, он узнает, что цены там совершенно другие, нежели семья предполагала: по сравнению с тем, что было в прошлый раз, они сильно выросли. Тогда человек отказывается от задуманных покупок и возвращается домой, как говорится, с пустыми руками. Жена спрашивает, что он привез. А муж отвечает: «Задуманное дома не совпало с реальностью цен на рынке».

Моя ситуация во время полевых исследований в 2007 г. в Республике Таджикистан (РТ) развивалась по другому сценарию. Отправляясь в эту страну, я вовсе не планировал посещение мазара святого Бурха. Причин тому было несколько. Прежде всего дорога в эту горную область дальняя. Она трудная и затратная как в смысле расходов, так и в смысле времени. «К тому же, — думал я, — этому мазару посвящена работа Н.А. Кислякова. Так что при необходимости нужные сведения можно почерпнуть у него, а время использовать для поездки в другие районы, менее затратные». Но *реальность рынка* преподнесла «цены», о которых можно было только мечтать!

После возвращения в Фархар из поездки в мазар хазрата имама Хасана Аскара [Рахимов 2008: 96–112], ходжи Биби Муродой (сестра автора) сказала, что она хотела бы вместе с сыном ходжи Бахтиёром совершить поездку в мазар святого Бурхи Абдали Вали и как бы между прочим спросила, не хочу ли я присоединиться к ним. Складывалось впечатление, что сестра все это устраивает ради моих целей. Кроме того, она понимает, что и Бахтиёр согласится на эту поездку из-за интереса, который он, как верующий, проявляет к культу святых. Так или иначе, грех было не воспользоваться предложением ходжи Биби.

Но проблема в том, что статью Н.А. Кислякова я читал очень давно. По прошествии десятилетий многие ее детали стерлись из моей памяти. «Поэтому, — размышлял я, — без учета данных, изложенных Николаем Андреевичем, результативность этой поездки в далекую горную область будет невелика». Когда я сказал об этом сестре, она заявила: «Ну, ради такого дела один раз можно оставить Ваши научные интересы. Поедем туда как паломники! Это нисколько не повредит Вашей науке!» После некоторых раздумий я согласился на поездку, но попросил сестру повременить, пока я не съезжу в северные районы на Зеравшане и в Ферганской долине. Она сказала, что это ее вполне устраивает.

Я съездил в Горную Матчу, Исфару и Пенджикент для продолжения полевых изысканий по культу святых. Спустя полтора месяца

ходжи Биби приехала за мною в Пенджикент вместе с Бахтиёром, преодолев 500 км. И мы отправились в далекую горную область на юго-востоке РТ.

Какова протяженность предстоящего пути? «Ну вот, считайте, — говорит ходжи Биби. Дорога Пенджикент-Душанбе, с учетом отклонения от маршрута для посещения мазара святого ходжи Санг-Хока в верховьях Варзобдарьи, составляет 300 км. И там — от Душанбе до святыни Бурха — 200–300. Всего где-то 630 км». Я сослался на информацию человека из Пенджикента, который уверял меня, что расстояние от Душанбе до святыни Бурха — около 200 км. Он недавно ездил в Хорог — центр Горно-Бадахшанской автономной области РТ — через Тавильдару. Мазар, как он говорил, находится немного в стороне от пути в Хорог на территории Тавильдаринского района. Не верить ему не было оснований. Но, как выяснилось потом, его информация была неверной.

На протяжении всего пути из Пенджикента в Душанбе мы больше не возвращались к этому разговору. Проехали по совершенно разбитой высокогорной дороге через Анзобский перевал на высоте около 3700 м. Эта трасса определяла лишь направление движения. В настоящее время там прокладывается современная автострада с весьма сложными искусственными сооружениями. После перевала свернули к упоминавшемуся месту паломничества и поклонения хазрату ходжи Санг-Хока (о нем я напишу отдельно) и к вечеру приехали в Душанбе. Решено было переночевать в Душанбе, а в путь отправляться, не торопясь, на следующий день.

Ближе к полудню мы выехали из Душанбе в Тавильдару. Едва проехали районцентр Вахдат (около 20 км от Душанбе), как Бахтиёр прижимается к обочине. Ходжи Биби Муродой выходит из машины и направляется к инспектору ГИБДД, чтобы спросить про расстояние до святыни Бурха. Довольная, она возвращается и говорит: «120!» Но наша радость длилась недолго: в следующем районцентре — в Файзабаде — нам говорят, что впереди еще 280–300 км пути. Впереди город таджикских энергетиков Рогун. До него (немногим более 70 км от Душанбе) мы проехали быстро и легко благодаря прекрасному асфальтному покрытию, уложенному китайцами. Работник милиции, который стоит на развилке, указывает нам на старую дорогу через Рогун, а на наш вопрос, сколько ехать до мазара святого Бурха, отвечает коротко: «300!»

Продолжая движение, мы обращались почти ко всем встречным с одними и теми же вопросами о расстоянии до нашей цели. В ответ нам называли цифры, которые колебались от 80 до 380 км. Мы ломали головы над тем, почему люди дают нам столь противоречивые сведения.

Поселок Тавильдара — в стороне от нашего пути. Он на 190-м км от Душанбе на левом берегу Хингоу, а нам, как выяснилось, ехать по правому берегу прямо, не заезжая в райцентр. Поскольку объект нашего интереса относится к этому району, мы рассчитываем достоверную информацию о расстоянии до него получить здесь. Выясняется, что нам предстоит ехать еще 120–130 км. Конечно, мы помрачнели. Было из-за чего расстраиваться: нам говорили, что для нашей машины дорога чрезвычайно сложная. Люди вообще относились скептически к нашим планам, считая, что мы не доберемся до цели.

Расстроенные, мы стали анализировать расхождения в сведениях о расстоянии до усыпальницы святого Бурха. Оказалось, что неточность исходила от меня. Конечно, пенджикентский знакомый, на сведения которого я опирался, подразумевал расстояние от Душанбе не до мазара, а лишь до Тавильдары, через которую он проезжал, отправляясь в Хорог. Он ошибочно полагал, что место паломничества и поклонения находится где-то недалеко от райцентра, почему и называл расстояние в 200 км. Оказалось, что это далеко не так. Когда в кишлаке Лангари Поён, находящемся недалеко от Тавильдары, как уже говорилось, на противоположном (правом) берегу Хингоу, подтвердили, что до нашей цели еще 120 км, стало ясно, что наиболее точной была информация, которой располагала ходжи Биби Муродой. Она включала расстояние от Душанбе до Тавильдары плюс расстояние от Тавильдары вдоль Хингоу до мазара мусульманского святого. В целом это составляет примерно 330 км. Стало ясно и другое: неточность информации, которую давали нам люди, была связана еще и с тем, что мы сами, задавая этот вопрос, ее допускали. В одном случае мы, называли расстояние до Тавильдары, в другом — до мазара святого Бурха, полагая, что это примерно одно и то же. Мы просто отождествляли эти места, в то время как люди, к которым мы обращались с вопросами, разграничивали их.

Когда все прояснилось, мы вынуждены были пересмотреть первоначальные планы. Решено было переночевать в Лангари Поёне, куда мы приехали поздно, около 22 часов, и продолжить путь на следующий день рано утром. Закусив и переночевав в придорожном ночлежном доме, мы тронулись дальше в четыре часа утра. Часа 2,5–3, т.е. километров 25, проехали, когда было еще совершенно темно. В свете фар едва виднелись контуры грунтовой дорожной полосы с огромными камнями, буграми и ухабами. Ехать по такой дороге — нелегкое испытание. Скрежет днища, когда машина наезжает им на камень, бесконечный стук, рев мотора на крутых подъемах — описание всего этого ужаса заняло бы много страниц. Довольно часто проезжали шумные речки, как говорит-

ся, вслепую, не зная глубины каменистого дна. Нередко нам с сестрой приходилось выходить из машины и долго идти пешком, чтобы уменьшить нагрузку; приходилось и толкать ее.

Конечно, в таких условиях было не до любования окружающей природой. Только доехать бы до мазара! А пока с каждым километром дорога становилась все труднее из-за бесконечных ухабов, колдобин, бугров, камнеломов, каменных осыпей и речек, что лишало нас надежды на достижение задуманного. Мы хотели нанять машину с большей проходимостью, но взять ее было негде.

Наконец мы переезжаем Арзинг и оказываемся на левом его берегу. Еще немного, и на нашем пути оказывается кишлак Сангвор у оконечности хребта Петра I. Я вспоминаю, что с Сангвором связана научная и педагогическая деятельность Н.А. Кислякова. В 1932 г. в его личной жизни происходит важное событие. Тогда в Таджикистане работала Таджикская комплексная экспедиция АН СССР. В составе ее социально-экономической группы работала тогда еще студентка ЛГУ Анна Зиновьевна Розенфельд (1910–1990) — будущий иранист, лингвист, литературовед, этнограф и фольклорист, доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии ЛГУ. Н.А. Кисляков познакомился с ней, а когда отряд Таджикской комплексной экспедиции (им руководил С.М. Абрамзон) закончил работы, молодые люди решили пожениться. В сентябре того же года близ Тавильдары (в к. Язганд) состоялась свадьба Н.А. Кислякова с А.З. Розенфельд. После этого события молодожены уехали в Сангвор, где проработали до июля 1933 г. учителями в новой школе-семилетке и на курсах ликбеза для взрослых [Кисляков, Решетов 2002: 109–110; см. также: Писарчик 1989: 6–7].

Конечно, живя в Сангворе, Н.А. Кисляков не мог не слышать рассказы о месте паломничества и поклонения святому Бурху в 25 км от этого селения. Наверняка он видел паломников, пусть тогда немногочисленных (из-за так называемого басмаческого движения в долине р. Хингоу), направляющихся на *зиёрат* (совершение паломничества и поклонения) к этому мазару. Рассказы местного населения об одном из высокогорных мазаров и наблюдения за паломниками, направляющимися к нему (у них не было иного пути, кроме как через Сангвор), конечно, возбуждали живейший интерес Николая Андреевича. О сведениях, полученных молодым Кисляковым из рассказов местного населения о святом Бурхе, и результатах его поездки из Сангвора к объекту мусульманского культа мы уже знаем. Они отражены в упоминавшейся выше работе, опубликованной им без малого 75 лет тому назад.

Коротко нужно сказать о пути, ведущем из Сангвора к мазару хазрата Бурха. Он отличается от того, по которому следовал Н.А. Кисляков, направляясь в существовавший тогда одноименный с мазаром святого Бурха кишлак Хазрати Бурх [Кисляков 1934: 181]. Современные паломники, как правило, ночуют в Сангворе, а в 25-километровый путь к мазару отправляются утром следующего дня вместе с таксистами, обслуживающими их на участках пути от канатного моста через р. Оби Мазор до святыни. При этом до первого «таксопарка» (пояснение — немного ниже) таксисты следуют пассажирами на транспорте паломников.

Обстоятельства заставили нас избрать другой вариант, а именно, несмотря на позднее время, продолжить движение. Отъехав от Сангвора километра три, мы увидели встречную «Ниву». Она шла на подъем, а мы — на спуск. Правила движения обязывали нас уступить дорогу. Остановились, прижавшись к самому краю, за которым — бездна.

Поравнявшись с нами, «Нива» остановилась, из нее вышел молодой человек, который представлялся как Кудратулло. «Тезка нашего деда по матери», — мелькнула у меня мысль. Выясняется, что Кудратулло — таксист, обслуживает паломников на 15-километровой участке за канатным мостом. Это его бизнес: утром с первыми паломниками (на их транспорте) он едет на работу, а вечером с последними возвращается домой в Сангвор.

Наш выбор ограничен: либо мы забираем таксиста назад и, возвращаясь после зиёрата, доставляем его в Сангвор, либо поворачиваем обратно и по правилу, введенному им, переночуем у него дома, а на следующий день выедем в мазар вместе с ним. После некоторых раздумий, мы выбрали первый вариант: ехать вперед, забрав таксиста с собой. Конечно, риск большой. Машина может не выдержать такую нагрузку. Таксист, заметив нашу растерянность, говорит: «Ну, там, где невозможно, будем выходить, оставляя в салоне одного лишь водителя». При этом Кудратулло ставит условие — вернуться в Сангвор сегодня же. На том и договорились.

Конечно, ехать очень тяжело. Было время, когда мы раздумывали, какие бы вещи выбросить как лишние. В последнем селении на пути к мазару, состоящем буквально из нескольких домов, Кудратулло просит остановиться. Он быстро идет к домику недалеко от дороги и возвращается с полной канистрой горючего. Таксист устраивает ее у себя в ногах, говоря: «Иначе нам не доехать до хазрата». Ясно, этот бензин потребуется после канатного моста, когда мы продолжим путь на транспорте уже из его «автопарка». На нашей машине этого сделать нельзя. Если с

ней что-нибудь случится, то никто в этих глухих местах нам не поможет. Пришлось бы проститься с ней навсегда и возвращаться как минимум до кишлака Лангари Боло пешком, а это более 70 км от мазара. Об изолированности этих мест свидетельствует тот факт, что на протяжении почти 120 км от Лангари Поён, где мы ночевали, до встречи с Кудратулло, нам попало всего четыре машины: две, легковые, встречные, и две, в том числе одна грузовая, попутные.

Мы благодарили небесные силы за то, что случай помог нам встретить в пути таксиста Кудратулло. Не известно, что было бы с нами без него. Ясно одно: в таком случае поиски мазара заняли бы не один день. Возможно, мы и вовсе не достигли бы цели. До канатного моста, может быть, как-нибудь и добрались бы. А вот что было бы дальше...

Это выяснилось после канатного моста, когда нам пришлось преодолеть 15-километровый путь через огромное царство сплошных камней и расколотых скал. В этих местах, как говорят таджики, «даже ворона не видать». Правда, был случай, когда мы наткнулись в узком пространстве между берегом реки и зарослями облепихи на стадо коров, которые паслись без пастуха. Для меня до сих пор остается загадкой, как они могли оказаться в этих местах. Увидев нас, животные шарахнулись в сторону так, как будто их преследует хищный зверь, — так они одичали!

С большим трудом (кто вброд, кто в салоне машины) перебираемся через речку, не доезжая до Оби Мазор. Ехать дальше практически невозможно из-за слишком больших, характерных для высокогорного района камней. Машину оставляем здесь. Направляемся к канатному мосту пешком. Это немногим более километра пути. Тяжелая канистра с бензином переходит то к Бахтиёру, то к Кудратулло. Переходим канатный мост длиной метров 40. Его основу составляют еле «живые» и местами сломанные и провалившиеся тоненькие доски толщиной 15 мм. Переходим по мосту гуськом. Он раскачивается из стороны в сторону почти как качели.

Следующий участок пути — до первого «таксопарка» Кудратулло — тоже пеший. Там в кустах облепихи стоит старенький УАЗик. «Есть еще один, — поясняет Кудратулло. — Но он в другом месте. Не заводится». Выясняется, что аккумулятор исправного УАЗика отсоединен и на всякий случай спрятан напарником Кудратулло где-то в кустах. Казалось бы, какие тут могут быть опасения! Угонять машину некуда: реку не переехать, в горы не забраться. После долгих поисков он был найден. Но машина не заводится. Стоило многих трудов, чтобы с помощью заводной ручки запустить двигатель.

Проехали всего около двух километров. Далее дороги нет. Значит, нужно выходить из машины. Впереди широкая полоса (3,5 км) громадных обломков камней и скал. Переходим ее, блуждая меж них. Этот участок пути занимает 30–35 мин. А там остается восемь километров до мазара. На этом участке в нашем распоряжении другой УАЗик. Водитель — тот же Кудратулло. Начиная выруливать, он говорит: «Повторяю: отсюда до хазрата — восемь километров. Засекайте время: сорок пять минут, и мы там, на месте! Скорость — примерно 5,5 км/час».

Это надо видеть: УАЗик скачет как горный козел — со скалы на скалу. Нас бросает то вверх, то из стороны в сторону. Хозяин машины говорит, что в разгар сезона паломничества, т.е. обычно в летнее время, он старается не сажать в машину более десяти человек. Но это бесполезно. В салон садится десять человек, а еще три-четыре паломника умудряются цепляться к машине по бокам.

Интересно, как Кудратулло формирует свои «автопарки» из этих «козликов». Их всего четыре: две по одну сторону указанного выше каменного завала, две — по другую. Они перевозятся сюда, на правый берег р. Оби Мазор, на «Урале» в начале сезона паломничества, когда уровень воды еще не слишком высок. Здесь они остаются и обслуживают пилигримов (работают два водителя) до конца сезона, т.е. до осени. Затем машины таким же образом перевозятся обратно, откуда уже своим ходом возвращаются в Сангвор.

Теперь я расскажу еще о втором маршруте к святыне Бурха.

2. Путь к мазару: поездка 2008 г. Предпринимая повторную поездку к святыне Бурха уже по новому маршруту, я преследовал следующие цели: а) посетить мазар ходжи Алоу-ад-Дина в уже знакомом читателю селении Лангари Боло, находящемся на пути к гробнице хазрата Бурха; б) подойти близко к роднику *sayid* — одному из почитаемых объектов, составной части комплекса мазара святого Бурха, по ледниковому «мосту» через реку Оби Мазор; в) проверить и уточнить некоторые сведения, зафиксированные мною в 2007 г.

Маршрут был определен так: «Душанбе — Пархар — Куляб — Ховалинг — Шигноу», далее — по прошлогоднему маршруту: «Тавилдара — святыня Бурха», через кишлак Лангари Боло.

В Пархаре (сегодня в РТ это название пишется как *Фархар*) меня ждали мои проводники — сестра ходжи Биби Муродой и другой «пилот», брат ходжи Бахтиёра Зафар. И машина другая — «Мерседес». Детально обсудив план поездки, мы решили, что поедем до поселка Ховалинг (он расположен в 150 км от Пархара), а там арендуем машину, обладающую достаточной проходимостью для горных дорог. Реальность

такого проекта вызывала у меня некоторое сомнение. Но сестра, как всегда, была настроена оптимистически. Как выяснилось, ее оптимизм оказался оправданным.

Случилось так, что в Ховалинг мы приехали почти перед заходом солнца. Сестра позвонила своим знакомым — следователю местного отделения милиции (родственнику ее мужа) и начальнику ГИБДД (он родом из Пархара). Они нашли какой-то УАЗик, договорились с его водителем, вернее обязали его за символическую плату довести нас до мазара святого Бурха и обратно. Это 420 км. Когда все вопросы были согласованы с водителем, следователь сказал: «Пока он будет заправляться, поехали ко мне на чашку чая. Жена будет рада вам». Действительно, хозяйка приняла нас очень радушно. К *дастархон* 'у/дастархану (род скатерти, на которой раскладывается угощение) было подано обильное угощение. Создалось такое впечатление, что семья ждала нашего приезда, хотя о возможности такой встречи никакого разговора не было.

Супруги настойчиво просили нас остаться переночевать у них и отправиться в путь на следующий день. При всем желании это никак не входило в наши планы. Поэтому мы откланились, пообещав, что воспользуемся гостеприимством этой семьи, когда будем возвращаться. «Какие могут быть сомнения, — успокаивала сестра гостеприимных супругов, — машина-то наша остается здесь. Мы в любом случае заедем за ней! Тогда и переночуем у вас».

Я наблюдаю происходящее и в какой-то момент ловлю себя на мысли, что на Востоке принимать гостей и оказывать им необходимое внимание равносильно выполнению религиозных обязанностей. Недаром таджики говорят: *мехмон расули худ*, т.е. «гость — посланник Бога». По этому поводу существует также много легенд и преданий. Это понятно, потому что для таких простых людей, как эти супруги, принимать гостей, да еще из дальних краев, — в глазах окружающих показатель значимости семьи, ее достатка.

Отъехали от Ховалинга всего несколько километров, и уже стало ясно, какие муки ожидают нас впереди. Из-за крутизны подъема обороты двигателя постепенно нарастают. Когда-то этот участок дороги был с асфальтовым покрытием. Теперь от него остались одни ухабы да селевые заносы, сплошь из камней. До верхней точки перевала еще далеко, а уже стемнело. Вскоре Ховалинг внизу погрузился в ночную тьму. Видны лишь тускло мерцающие огоньки. Еще немного — и огоньки исчезли, оставшись по другую сторону горного перевала. В свете фар я вижу, как крут спуск. Машину бросает во все стороны, как игрушку на волнах реки: одно колесо насккивает на один камень, второе — на другой.

Я молил Бога, чтобы он оберегал нас от дождя, частого в этих местах, иначе мы погибнем в первом же селевом потоке. «Вниз-то едем, а как обратно — вверх? Хватит ли силы у машины и мастерства у Вас?» «Насчет мастерства не знаю, что касается машины, силы у нее вполне достаточно. Бог милостив!» — успокоил меня водитель. Забегая вперед, замечу, что мне приходилось много раз наблюдать, как он управляет машиной на крутых каменистых подъемах. «Как Вас зовут?» — спрашиваю у «пилота». «Кулоб» — отвечает он. «Как?» — недоумеваю я. — «Я спрашиваю про Ваше имя, а не про название вашего областного центра». «Да, родители нарекли меня именем, совпадающим с названием нашего областного центра — Кулоб». «Кулоб, Вы часто ездите по этой дороге?» Весь сосредоточенный, с устремленным вперед взглядом, неустанно и резко крутя баранку, он отвечает быстро: «В этом году это первая поездка. В прошлом году ездил трижды. Паломников вез».

«Надо же, ни одной встречной или попутной машины» — вырвалось у меня. Видимо, моя наивность не ускользнула от внимания Кулоба. Он произнес: «Гм! Дураки, что ли? К тому же, много ли в наших местах вы найдете машин, способных ездить по таким дорогам? Машин с такой проходимостью, как моя, в наших краях — единицы. Вы знаете, мы с ней почти ровесники. Ее двигателю 23 года. Я думаю, что эта старушка еще долго будет жить, служа источником существования моей семьи». «Кулоб, — обращаюсь я к водителю, — Вы могли бы отказаться от этой поездки, сказав начальнику ГИБДД и следователю милиции: “Нет”?”. На это он ответил так: «Конечно, нет. Вы это понимаете. Но за деньги, которые вы мне даете при расстоянии 420 км, да по таким дорогам! Согласитесь, это кабальные условия! Этих денег не хватит даже на бензин». «А сколько Вы бы хотели получить?» — спросила сестра. «Ну, хотя бы дополнительных 100 долларов». «Ладно, — успокоил я его. — Считайте, что они у Вас уже в кармане».

Когда в очередной раз меня резко бросило сначала вверх и тут же вправо, я подумал: «Дай Бог, чтобы муки, которые я испытываю, возместились помощью святого Бурха в достижении моих целей посещением его святыни! Того же я желаю и моим добровольным проводникам». Хазрат Бурх словно услышал мою молитву, что видно было из слов водителя. Зная, что ночью мы, кроме узкой дорожной полосы, ничего вокруг не видим, он, бывалый, сказал: «Вот и конец первого перевала. Слева река Ёхсу. Дальше, до следующего перевала, едем по долине этой реки против течения. Впереди кишлаки Зелолак, Сиёпарк, а там и Шугноу. Но пока мы в пути, все они будут в глубоком сне. Шугноу — поселок таджикских старателей».

«Интересно знать, как старатели вывозят из этих краев свою добычу». Этот вопрос я адресовал сестре и племяннику, а быстрый ответ последовал от Кулоба: «Было бы золото, а как вывозить его не проблема. Если обратно будем ехать в дневное время, то вы увидите, что ни в Шугноу, ни в его окрестностях изобилием золота не пахнет. Они являют собой громадные кладбища горнорудной техники советского производства».

Мы на небольшом участке сравнительно ровного пути (сестра и Зафар дремлют на заднем сидении, просыпаясь, когда машину бросает), и я решил задать Кулобу вопрос, так сказать, по теме.

— Кулоб, скажите, пожалуйста, зачем люди совершают паломничество в святые места? Какие у них на то мотивы?

— Это тема для философствования. А я подневольный водитель, понимаете ли?

— И все же. Пусть не часто, но Вы везете паломников. Значит, как-то общаетесь с ними. Наверняка возникают разговоры о целях и намерениях, ради которых они совершают паломничество. Так как они все это объясняют, и что Вы сами думает по этому поводу? Нужно думать, Вы не только везете паломников, но и сами выполняете необходимые ритуалы. Так ради чего?

— (После некоторой паузы) Когда мы говорим «мазар», подразумеваем, что мы совершаем зиёрат к могиле святого. А кто такой святой? Он близкий к Богу. Он величина после нашего Пророка. Рангом ниже. Посредник между миром людей и Богом. Вы спросите: «А почему он, например, Бурх прославился как святой?» Ответу: «Благодаря своей праведности. Когда верующий обращается в путь к мазару праведного, это значит, что он просит его заступничества перед Богом, например спасти его от преисподней после смерти.

Почувствовав, что Кулоб закончил изложение своих взглядов, я решил задать ему еще один вопрос.

— Объясните, почему Бурх праведный, а мы с Вами нет. Что мешает и нам быть праведными, как Вы говорите, близкими к Богу?

— Праведность относится к воле. Понимаете ли, все дело в привязанностях человека к земным благам (*нафс*). Они рождают алчность, похоть, стремление к богатству, роскоши и другим порокам. Неуемный нафс — грех, он караем на том свете. Наказанием за неуемный нафс служат адские муки.

— Вы пытаетесь как-то ограничивать Ваш нафс?

— Когда, например, мужчина становится мужем и отцом, он уже оказывается во власти нафса.

— Что же это получается: чтобы избежать кары Бога после смерти, человеку нужно жить жизнью дервиша, как святой Бурх, отказаться от мирских благ, от семьи и пр.? В противном случае он обречен на адские муки. Так?

— Но человек призван созидать. Это предполагает и создание семьи.

— Избрал ведь хазрат Бурх другой путь. Он отказался от созидания, объявил мирские блага бранными, предпочтя им жизнь в пещере и обрекая, таким образом, себя на добровольную смерть.

— Давайте вспомним миф, повествующий о хазрате. Он ничего не говорит о его отце. По крайней мере я не слышал об этом. Выходит, миф намекает на его непорочное зачатие. Иначе говоря, святой Бурх — сын Бога. У сына Бога умерли братья, умерла мать. Переживания их смерти как бы убеждают Бурха в непостоянстве судьбы и никчемности жизни, толкая его на жизнь созерцающего отшельника в пещере. Так я понимаю возникшую со святым ситуацию.

— Что ж, такая интерпретация вполне допустима.

— Полистайте поэтическое наследие наших классиков. Нотки о непостоянстве судьбы пронизывают творчество многих мыслителей. Например, четверостишия Хайяма. Вот одно из них:

*Шел я однажды в мастерскую гончарных дел мастера,
Увидел две тысячи кувшинов — речами наделенных, и безмолвных.
Вдруг один из кувшинов издал крик:*

Где кувшины создавший? Кувшинов покупатель? Кувшинов продавец?

Чем это не мысль о тленности мира? Ясно, что создатель, продавец и покупатель горшков у поэта — обобщенные образы трех видов человеческой деятельности, на которых покоится жизнь любого общества даже в условиях рыночных отношений. Они соответствуют трем категориям населения, которые приходят в этот мир и уходят из него.

— Все это справедливо. Но мы с Вами говорим о смысле паломничества. Так в чем смысл этой практики?

— Смысл этой практики в том, чтобы замаливать грехи, просить у святого его заступничества на том свете. Когда паломник становится перед могилой святого, это значит, что он обращается к Богу посредством духа святого. Я много раз посещал святыню Бурха. Хочется надеяться, что он слышит мои молитвы и оградит меня от адских мук.

— По Вашему мнению, где находится ад?

— Согласно Корану, ад — это бездна, где грешники будут гореть в огне, где пищей им служат горькие плоды растущего там дерева *заккум*. Многим это кажется абстрактным. На самом деле, если каждый загля-

нет в бездну своей души, то он легко почувствует, что и блаженство в раю, и муки горения в аду — внутри нас самих. И Хайям говорит, что рай и ад — это два состояния души. Это прекрасное толкование коранических текстов о рае и аде.

— Я могу согласиться с Вами. Муки, которые испытываем мы сейчас, вполне подтверждают это.

— В определенном смысле да. Но Вы знаете, чем труднее путь к святыне, тем больше надежды на то, что святой примет ваше паломничество. Следовательно, тем больше шансов на то, что ваши цели будут достигнуты, а желания — исполнены.

— От Ваших слов становится радостней на душе.

На лице Кулоба появилась широкая улыбка.

Вот так ответ на простой, казалось бы, вопрос о смысле существования института паломничества принял характер философских рассуждений водителя УАЗика.

Тем временем мы приехали в Шугноу. Кулоб вырывает вверх и забирается на площадку у какого-то длинного строения. Он оставляет машину и быстрыми шагами уходит вниз, растворяясь в темноте. Вскоре он возвращается с молодым человеком. В руках у них инструменты. Ясное дело — в машине неполадки. Мы выходим из салона. «У нас тут небольшое “интерактивное” взаимодействие, — поясняет Кулоб. — Посмотрим тормоза, затянем, кажется, они намокли;отрегулируем сцепление и амортизаторы». Завершение фразы повисает в воздухе. «И полетим дальше». На все эти операции ушло немногим более получаса, и Кулоб снова вырывает по подъему на очередной перевал.

Когда мы пересекали средний рукав реки Ёхсу, Кулоб, нарушив затянувшуюся паузу, сказал: «Когда поедем назад, конечно, если это будет при свете дня, я покажу вам мазар Шохи Хомуш («Безмолвный князь»). Он высоко в горах, у истоков Ёхсу, покрыт ледником». «Почему князь называется безмолвным?» — поинтересовался я. «Я этого не знаю».

Когда через день мы возвращались по этому пути, Кулоб пальцем указал на далеко и одиноко стоящую горную вершину, сказав: «Мазар, о котором я говорил». Место паломничества и поклонения представляет собой конической формы гору. Конус покрыт ледником. Это и родило в моей голове предположение, что под названием «Безмолвный князь» скрывается гора правильной геометрической формы, вечно покрытая ледником, который питает (это подтвердил и Кулоб) центральный рукав Ёхсу. «Вы посещали этот мазар?» — спрашиваю у водителя. «Однажды пытался вместе с тремя паломниками, но не удалось добраться

до вершины. Из-за ледника». «Вы не слышали про существование там могилы Безмолвного князя?» Ответ был коротким: «Нет». «А что тогда является там объектом почитания?» На это он ответил: «Не знаю. Во всяком случае паломники, которых я вез туда, останавливались у родника, читали там молитву, пили, черпая воду из него, и набирали ее с собой домой».

На заре и мы приехали в Тавильдару, оставив позади дорогу, которая и в страшном сне не приснится. За 10 часов проехать 90 километров пути практически без остановок! Я думаю, этого достаточно, чтобы представить себе состояние дороги на линии Ховалинг — Тавильдара. До святого Бурха еще 120 км. Этот участок пути описан мною выше.

Нужно было видеть радость нашего водителя, когда он выезжал на эту дорогу за мостом через Оби Хингоу. Он называл ее отличной дорогой, чуть ли не автострадой. Когда мы, первые посетители, сидели за чаем в придорожном строении, сочетающем элементы кафе и ночлежного дома в селении Лангари Поён, я вспоминал пройденный нами за ночь путь.

После весьма скромного завтрака отправляемся в путь к цели. Впереди кишлак Лангари Боло, до которого 70 км. До него мы доехали, как говорится, не зная горя, благодаря, по оценке Кулоба, «отличной» дороге.

Прибыв в Лангари Боло, мы остановились у мечети, при которой имеется особое помещение, известное из этнографической литературы под названием *алоухон* (букв. «помещение для общественного огня»). Оно предназначено для приема странников. Помещение довольно просторное, застлано коврами и паласами, имеются стеганные одеяла, матрасы и подушки (на случай если странник остановится здесь на ночь). В углу стоит громадных размеров самодельная печка-буржуйка для отопления алоухоны и кипячения воды в холодное время года. Она заменяет углубление в полу (*чахлак*) для разведения общественного огня, что было в обычае местного населения в прошлом. В западной стене — дверь. Она ведет в следующее, также достаточно просторное помещение для молитвы (*хонако*). Как только мы вошли в алоухону, приходит мальчик с дастарханом и кумганом, нетрудно догадаться — с чаем. Он раскладывает дастархан с лепешками на полу, ставит кумган на край скатерти, достает из ниши в стене около буржуйки чашки для чая, ставит их рядом с кумганом и говорит: «Если что нужно, дайте знать. Наш дом напротив». Ходжи Биби Муродой протягивает мальчику деньги, говоря: «Что-нибудь купишь себе». Тот отказывается со словами: «Это считает-

ся платой за услуги алоухоны. Так нельзя. У нас так не принято». И не торопясь покидает помещение.

За чаем я оглядываюсь по сторонам, и меня не покидает убеждение, что Н.А. Кисляков, не единожды побывавший в этих местах, наверняка пользовался услугами этого приюта, послужившего источником для описания им картины быта подобных общественных помещений у горных таджиков [Кисляков 1936: 115–120; 1973].

После чая мы гуськом поползли вверх на гору через густые заросли дикого винограда к мазару ходжи / хазрата Алоу-ад-Дина, который находится на высоте нескольких сот метров. К нам присоединилась группа подростков-мальчиков и одна девочка. Они несли с собой пустые баклажки, как выяснилось, для того, чтобы набрать святой воды в роднике при мазаре. Я пытаюсь узнать, для чего они употребляют эту воду. «Продаем», — последовал ответ одного из мальчиков.

— Кому?

— Паломникам, направляющимся к мазару святого Бурха. Многие из них не знают о существовании у нас святыни ходжи Алоу-ад-Дина. Вот мы и продаем им святую воду из источника при этом мазаре. Один *сомони* [10 руб. 30 коп. — Р.Р.] за баклажку.

Тропинка к мазару все время идет вверх, причем чем дальше, тем круче. Помогают кусты дикого винограда: при подъеме приходится цепляться за них, чтобы не скатываться назад. Кто-то из мальчишек, видя, что мне трудно, спешит на помощь, забирая у меня фотоаппарат. На его лице была радость от того, что ему доверяют. По рассказам, еще несколько десятилетий назад мазар был совершенно недоступен паломникам из-за того, что он находится на обрыве. В те годы здесь на метеостанции работал какой-то немец по имени Эрик, который вместе с тогдашним настоятелем и расчистил тропинку, открыв, таким образом, путь к святыне.

Первый объект культа — родник. Холодная и прозрачная вода тонким ручейком течет по небольшой резиновой трубке, прикрепленной прямо к скале в узенькое углубление, откуда ручеек струится дальше. Родник — первый *каромат*¹ хазрата Алоу-ад-Дина. Когда преследуемый *кафира*’ми святой забрался на эту недоступную гору, было время дневной молитвы. Он не мог позволить себе молиться, не совершив предварительное ритуальное очищение (*тахорат*) водой. Тогда хазрат

¹ *Каромат* (араб. *карама*) в данном контексте подразумевает качества персонажа легенд и преданий, обладающего сверхъестественной созидательной силой, способной преобразовать облик мира. В этом смысле слово *каромат* можно перевести как «святое деяние», «чудотворение».

обратил свои взоры к небу, прося Всевышнего о воде для очищения. Творец услышал его молитву, что было видно по тому, как из сердца горы чудесным образом забила вода.

Ныне она струится в продолговатое массивное корыто прямоугольной формы, выдолбленное из части ствола дерева твердой породы. Загадка в том, что корыто никогда не заполняется водой: уровень воды в нем всегда на одной и той же отметке — немного ниже краев. И не видно, чтобы она каким-то образом протекала вниз. Эта загадка считается еще одним свидетельством кармата — святого деяния ходжи Алоу-ад-Дина.

Кажется, я понимаю, с чем этот феномен связан: корыто установлено в верхней части природной «трубки», по которой струящаяся из скалы живительная влага как по подземному каналу течет вниз по склону, выходя снова на поверхность где-нибудь далеко внизу у его подножия. В горных районах Центральной Азии это довольно часто встречающееся явление. Именно с этим связан ореол, который окружает многие святы места в этом районе мира. Я думаю, не является исключением из этого правила и речка, которая течет по краю кишлака Лангари Боло. По всему видно, что она берет свое начало из вторичного источника у подножия горы, который, в свою очередь, питается из родника, составляющего часть комплекса святыни ходжи Алоу-ад-Дина.

По рассказам, когда ходжа Алоу-ад-Дин совершил тахорат, он услышал голос с Неба: «Продолжай движение дальше». Стоило хазрату сделать несколько шагов вперед, как в светло-серой мраморной скале образовалась брешь в виде огромного грота (*камар*) с ровной площадкой в нижней части. Камар повторял форму купола культового здания мусульман (мечети) в разрезе. Небесными силами он был определен для совершения соратником Пророка полуденной молитвы. Этот грот верующими воспринимается как очередной кармат святого. Когда ходжа Алоу-ад-Дин закончил молитву, он услышал тот же голос: «Продолжайте идти дальше!». Ходжа подчинился. Вскоре перед ним открылся другой грот. Он был предназначен служить ему обителью. В ней он и прожил до конца своей жизни. Когда он умер, его похоронили тут же на площадке, перед гротом в тени дерева, обнаженные корни которого, цепляясь за камни, едва его удерживают. «Могильный холмик» — весь из камней.

Так образовался облик комплекса святыни ходжи Алоу-ад-Дина. Он трехчастный: родник и пара гротов. Последний из них служил святому обителью при жизни и местом его упокоения. В.А. Сазонов, рассказывая о некоем настоятеле мазара Ашуре, говорит, что он живет в гроте

более двадцати лет. Согласно автору этой публикации, однажды Ашуру приснился сон, что хазрат Алоу-ад-Дин явился к нему и поручил ухаживать за своей могилой. «Он пошел в душанбинскую мечеть и обсудил сон с муллой. Мулла сказал, что он должен идти к святой могиле, но сначала он должен жениться. Ему нашли жену <...>. После свадьбы он ушел жить в пещеру. Там он живет 10 месяцев в году, зимой он на пару месяцев возвращается к семье» [Сазонов 2007: 7].

У мазара ходжи Алоу-ад-Дина есть еще одна примечательная черта. Речь идет о нескольких камнях, расположенных по бокам гротов. По форме они напоминают человеческие фигуры, образованные путем длительного выветривания.

После посещения святыни в одном из красивейших уголков горного Таджикистана спускаемся вниз. Впереди — гробница хазрата Бурха. Подъезжаем к указанному выше канатному мосту через бурный поток Оби Мазор. Ныне он отремонтирован, хотя спуск к нему и следующий за мостом крутой подъем продолжают оставаться достаточно опасными. Оби Мазор — основной из двух притоков Хингоу — берет свое начало в массивах Дарвазского хребта. Этот хребет, возвышаясь, затем подходит к горному узлу, замыкая системы гигантских хребтов Дарвазского, Петра I и Академии. Дарвазский хребет дает мощный отрог, носящий название Мазарских Альп.

Долина Оби Мазор, на правом берегу которой в 20 км от ледника находится гробница мусульманского святого, зажата между самим хребтом и его отрогом. При описании этой долины Н.А. Кисляков отмечает, что «она тесна и мрачна. Ледники спускаются почти к самой реке» Оби Мазор [Кисляков 1934: 181]. Это один из самых отдаленных горных уголков Центральной Азии. Можно согласиться с В.А. Сазоновым: место, на котором стоит мазар, воистину чудесное. Облака разбиваются о горы, одна из которых шеститысячной высоты, и в районе мазара создается особый микроклимат. В.А. Сазонов свидетельствует, что «видел сильный ливень с грозой, буквально в десятке метров бушевала стихия, но на мазор не падало ни одной капли, и скоро появилась радуга» [Сазонов 2007:5].

Мы сходим с чудо-моста и оказываемся на правом берегу Оби Мазор. И вот первая информация: «В этом году на правом берегу к услугам паломников не четыре, а пять УАЗиков». Но выясняется, что все три единицы автотранспорта, из которых формируется первое звено «автопарка», неисправны. Поэтому нам придется до второго его звена идти пешком. И это при том, что у нас жертвенные лепешки, арбузы и прочее! К тому же день очень жаркий.

В конце концов, добрались мы до второго звена «автопарка». А там один «козлик». Водитель возится под ним, лежа рядом с карданным валом. Видно, что это надолго. «А где вторая машина?» «Уехала с паломниками к мазару». Значит, на нее рассчитывать не приходится, поскольку она, по установившемуся правилу, должна привезти паломников обратно, а водитель, раз уже поздно, вместе с ними уезжает домой в Сангвор. Все были опечалены этим известием. Я перевел дыхание и, обращаясь к остальным, сказал: «Пожалуй, я потихонечку пойду, а вы догоните меня, когда машину починят». Проводники согласились.

Я прошел километра полтора и услышал далеко сзади звуки тяжело работающего двигателя. Это мои проводники! Когда они догнали меня, я на ходу забрался на переднее сидение. Увы, наша радость длилась недолго. Вскоре мотор заглох, и машина встала среди камней. Водитель пытается наладить работу двигателя. И это ему удастся, хотя и не сразу. Трогаемся... Проехали, может быть, несколько сот метров, и машина опять встала. К великому нашему огорчению, на этот раз основательно. Я, как и до этого, отправляюсь в путь пешком. Прошел где-то около километра и вижу, что едет «козлик», на этот раз навстречу. И за рулем пустой машины я вижу сияющее лицо знакомого по прошлому году таксиста-проводника. «Кудратулло! Голубчик!» — почти закричал я от радости. Мы тепло поздоровались.

— Почему порожняком?

— Потому, что паломники, которых я вез к мазару, решили остаться там на три дня для очистительных обрядов.

Кудратулло спрашивает у меня про ходжи Биби Муродой, про ходжи Бахтиёра. Я рассказываю ему о возникшей ситуации. Не дослушав меня, он говорит: «Вы побудьте здесь, а я за ними». Сказав это, он уехал вниз и через некоторое время возвращается с моими спутниками.

За разговорами мы приближаемся к гробнице, вид на которую, как уже известно, открывается километра за четыре от крутого поворота. Собственно говоря, уже отсюда начинается первая ступень зиёрата верующими сакрального места.

Библиография

Басилов В.Н. Кульят святых в исламе. М., 1970.

Басилов В.Н. Буркут-Баба // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 195.

Джойхон мукаддаси Тоджикистон («Святые места Таджикистана»). Душанбе. 2005. Вып. 1.

Ёкубов Ю., Мухаммадходжаев А. Бурх кист ва мазори у дар куджост? (Бурх: Кто он и где находится его мазар?). Душанбе, 1986.

Кисляков В.Н., Решетов А.М. Крупный советский этнограф и музейевед Николай Андреевич Кисляков (к 100-летию со дня рождения) // ЭО. 2002. № 5. С. 108–120.

Кисляков Н.А. Бурх — горный козел (Древний культ в Таджикистане) // СЭ. 1934. № 1–2. С. 181–189.

Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 10.

Кисляков Н.А. Аловхона — «дом огня» у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге. М., 1973. С. 88–94.

Писарчик А.К. Н.А. Кисляков // Этнография в Таджикистане: сб. ст. Душанбе, 1989. С. 5–8.

Сазонов В.А. Mazar Khazrati Burh. URL:<http://www.strannik.de/travel/burx.htm>.

Сказки и легенды горных таджиков / сост., пер. и комм. А.З. Розенфельд и Н.П. Рычковой: вступит. ст. А.З. Розенфельд. Сер.: Сказки и мифы народов Востока. М., 1990.

Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение (Из полевого дневника 2007) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2008. Вып. 8. С. 96–112.

Шехов А. Хазрати Бурхи Сармасти Вали. Душанбе, 2006.

Якубов Ю. Хазрати Бурхи Сармасти Вали // Чохордах мазор («Четынадцать мазаров»). Душанбе, 2001. С. 31–42.

Р.Р. Рахимов

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ СПАСЕНИЯ (ИЛИ НЕМНОГО ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЙ ЭТНОГРАФИИ)

В предлагаемой статье речь идет об одном из высокогорных паломнических объектов народов Центральной (Средней) Азии. Он расположен в западной оконечности Фанских гор, там, где находится перевал Бузот, служащий водоразделом между истоками Магиандарьи (Республика Таджикистан) и Сурхандарьи (Республика Узбекистан). В центре внимания автора — описание одного из трех основных маршрутов к месту паломничества и поклонения (*мазор/мазар*), известному как *Хазрати Султон* («Святой Султан»). Он начинается от кишлака Сор — селения, соседнего с Магианом, расположенным по берегам одноименной реки Магиандарья. Остальные два маршрута частично или полностью проходят по территории Узбекистана. Об этом совершенно уникальном объекте религиозного интереса местного населения я слышал много лет назад, но остановил на нем внимание лишь в 2007 г., когда странником шел к нему по таджикистанскому маршруту через Магиан.

Излагаемое на последующих страницах являет собой разрозненные путевые заметки о некоторых сторонах образа жизни обитателей двух соседних селений — Зендовуда и Рогича, — зажатых в северных отрогах Зеравшанских гор, составленные по рассказам попутчиков, а также по личным наблюдениям и переживаниям в процессе передвижения к святому месту *Хазрати Султон*. Избранная направленность позволяет продолжить опубликованные на тему пути к святым местам статьи в последних двух выпусках сборника «Материалы полевых исследований МАЭ РАН» [Рахимов 2008: 96–112; 2009: 140–159].

Теперь о самом путешествии к святому месту. Поводом для него послужил рассказ одного из жителей Пенджикентского района, совершившего паломничество к этому ритуальному объекту еще несколько лет назад. Суть его рассказа сводилась к тому, что мазар именуется *Хазрат Султан* или *хазрати Шо*(х); последнее название в переводе на русский язык означает «святой Шах». Восхождение к св. Шаху от основания конусообразной горной вершины, в верхней усеченной части которой объект находится, нужно начинать в полночь, чтобы к предрассветной заре быть на месте. Только в это время суток можно почувствовать совершенную необычайность паломничества и поклонения хазрату. По одному из рассказов, когда паломник забирается на площадку на вершине «конуса» (она называется *тахтгох* — букв. «тронное место»), возникает

ощущение, что он оторван от земли и пребывает между небом и землей. Если встать лицом к каменному склепу шаха, в центре которого установлен длинный деревянный шест, увенчанный хвостом яка, перед глазами открывается неопишуемая картина причудливой игры постепенно восходящего солнечного диска далеко за горными вершинами в юго-восточной части Фанских гор. Чудо состоит в том, что диск, когда он оказывается на горизонте, напоминает сказочный шарообразный сосуд, наполненный какой-то золотистой массой. Он без лучей. Продолжая свое движение к западу, шар скрывается за первой из трех вершин. С учетом предполагаемой линии подъема светила над горизонтом паломник ожидает его появления из-за вершины немного выше точки, где оно заходило за ней. Но оно показывается не из-за вершины, а еще ниже — почти из угла впадины между первой и последующей вершиной. Возникает ощущение, что это не тот диск, который скрывался за вершиной, а другой. Затем он скрывается за второй вершиной и на этот раз, также ожиданию вопреки, появляется намного выше предполагаемой отметки. Из-за третьей вершины солнце показывается опять ниже точки ожидания его появления, как будто там оно проваливалось. Такое таинственное зигзагообразное движение небесного светила совершенно захватывает воображение. Все это время солнце движется как золотистый шар, без лучей. Они появляются лишь тогда, когда шар оказывается на горизонте далеко за последней — третьей — вершиной.

После такого впечатляющего рассказа трудно было удержаться от соблазна увидеть все это своими глазами. Возможно, в этом естественном зрелище и состоял изначальный магнетизм высокогорного объекта культа, ставшего затем мусульманским. И я настроился на путешествие к Олимпу святителя, при этом имея весьма смутное представление о пути и подходах к нему.

Ранним июльским утром я приехал в Магиан. Там я и узнал о вещах, о которых не мог предположить. Председатель Магианского сельского совета, в разговоре с которым я упомянул о мазаре Святого Султана в ключе моих интересов, проявил явные признаки настороженности. После небольшой паузы он произнес:

— Как вы себе представляете добраться до святого места?

Тон, каким был задан вопрос, показался мне странным. Я ответил:

— Наверное, через Фараб. Я слышал, так ближе.

— Я могу согласиться при условии, что из Фараба вы направитесь к узбекской границе, пересечете ее, а там продолжите свой путь к Хазрату уже по территории Узбекистана.

— А там есть КПП?

— Нет, — последовал ответ.

— Что в таком случае делать с паспортными формальностями? — поинтересовался я.

— Не знаю. Другого пути нет, — коротко ответил председатель.

— Как же, а из Фараба на юг, по гребню горы?

— Это исключено. Я не могу брать на себя ответственность за вашу жизнь. Достаточно нам своих людских жертв и потерь огромного количества животных, которые продолжают подрываться там на узбекских противопехотных минах. Этот маршрут заминирован «дружелюбными» узбекскими властями со времен гражданской войны» 1992–1996 гг. в Таджикистане.

Из рассказа председателя вытекало, что они это сделали из опасения расширения зоны конфликта до таджикоязычных городов и районов на территории Узбекистана.

— Война в Таджикистане закончилась давно, а узбекские власти не собираются разминировать хотя бы пути к объекту культа. Повторяю, при всей нашей готовности помочь вам, мы не можем себе это позволить ради вашей безопасности¹.

Почувствовав твердость в голосе председателя, когда он настойчиво просил меня пересмотреть мои планы, я сказал:

— В таком случае попробуем подойти к объекту с юго-восточной стороны, через кишлак Рогич.

Мне показалось, что этот вариант для моего собеседника оказался неожиданным. Видимо, он полагал, что я не знаю этого кишлака. А я был там еще в середине 1970-х гг. С тех пор жители этого кишлака называют меня «русским», как можно предположить, по признакам прически, непокрытой головы и безрукавки, что не характерно для местных мужчин. Услышав название «Рогич», председатель сказал: «С минами там — то же самое». Возникла пауза. В конце концов он произнес: «Коль скоро вы настаиваете на своем, давайте договоримся: мы не видели друг друга». После этого он принялся быстро что-то писать на листке бумаги, который затем сложил несколько раз и вручил мне, пояснив: «Записка содержит мою просьбу Абдулле помочь вам. В Рогиче он лесником (следовательно, и властная фигура — подумал я)». После этого он распорядился, чтобы один из чиновников сельсовета проводил меня к местному рынку и сдал под опеку кого-нибудь из жителей Рогича, которые обычно в этот день (по средам) приезжают «на большую землю» — в Магиан — за покупками.

¹ Когда написание этой статьи шло к завершению, в таджикской печати появилось сообщение о том, что житель кишлака Фараб Пенджикентского района Мухсин Мирзоев погиб в результате подрыва на противопехотной mine в середине прошлой недели вблизи таджикско-узбекской границы. «В текущем году, — сообщает источник, — в результате взрыва противопехотных мин пострадали 7 граждан Таджикистана, двое из которых погибли. Всего с 1992 по настоящее время в результате подрыва на минах в Таджикистане погибло 352 и ранено 449 человек» [Crimeinfo, 2009].

Выяснилось, что, несмотря на раннее время (не было еще и десяти часов), рынок, как говорят, «уже остыл», т.е. не работает. Чиновник предложил идти к ослику, который стоял одиноко на голом и каменистом месте на берегу Магиандарьи (на этом участке река именуется Оби Борик). На нем была переметная сума (*хурджин*), набитые половинки которой свисали по бокам животного. «Хозяин этого ослика Насрулла. Он брат Абдуллы-лесника в Рогиче. Пойдемте к мечети. Возможно, он там». Мы направляемся к мечети, а Насрулла сам идет навстречу. Чиновник объяснил ему суть дела и обязал его сопровождать меня до Рогича, а там связать с Абдуллой. И мы отправляемся в путь по проселочной дороге против течения Оби Борик к хмурым горным вершинам на юге и юго-востоке от Магиана. Отъехали километра полтора-два, Насрулла останавливается, привязывает осла к дереву у довольно большого двухэтажного строения с крытой галереей (*айвон*) на улицу и говорит: «Вы продолжайте двигаться вперед, мне нужно тут в магазине кое-что купить для семьи. Я быстро. Скоро догоню вас».

Я шел один, может быть, часа полтора по узкому ущелью, то и дело оглядываясь назад, ожидая появления на горизонте Насруллы. Его все нет и нет. Зато меня догоняют двое молодых людей довольно приятной внешности. Каждый из них погонял осла. На ослах туго набитые хурджины. В них — мыло, сахар, спички, арбузы, в канистрах — растительное масло, керосин, поверх всего этого по целому мешку муки. Если подсчитать, то получится под сто килограммов груза на каждого «вседорожника». Глядя на этих безропотных и покорных животных, я подумал об их тяжелой доле.

— Долго они живут у вас?, — спрашиваю у погоняльщиков.

— Обычно три года, редко — четыре.

— Почему люди, когда хотят оскорбить кого-либо, называют его ослом?

— Наверное, из-за упрямства этого животного, — ответил тот из спутников, который шел немного сзади. — Поэтому для управления им люди придумали палку. В пути на них все время приходится кричать и рычать, иначе они не понимают человеческой речи. Ходжа Насреддин и то не расстается с палкой, когда следует с ослом.

— Не согласен, — в шутку возразил я, — погоняльная палка Ходжи Насреддина — это образ: он насмехается над людьми, которые обращаются к этому животному, употребляя палку. Скажите, вы не допускаете, что непослушание этого существа происходит от того, что люди его не понимают, что за его упрямством скрывается протест этого умнейшего животного против безжалостности, которую они по отношению к нему проявляют? Ну, да ладно. Давайте оставим эту полемику. Вы лучше скажите, что жители Зендовуда и Рогича производят сами.

Один из молодых людей вяло произнес:

— Немного мясомолочных продуктов. Их едва хватает на нужды семьи. Вырабатываем немного картофеля.

— Злаками не богаты. Лето у нас короткое. Едва созревает овес, — добавил второй спутник, положив руки на погоняльную палку, удерживая ее на плечах.

— Сколько домов в Рогиче?

— Пятьдесят, а в соседнем Зендовуде, откуда мы, двадцать пять, — последовал ответ. — Дома наши большие, по численности семей и членов семей: бывает, что 2–3 женатых родных братьев живут в одном доме. Дома — на крутых склонах.

— Как насчет электричества? — поинтересовался я.

— Электричество мы видим в Магиане. Люди, которые не были там, не знают, что это такое.

Так разговор переходит к социальной сфере. Выясняется, что на два кишлака одна школа, которая считается десятилеткой. Она находится в Рогиче. Преподаватели все приезжие. Обучение в теплое время года: на зиму преподаватели уезжают. Так что продолжительность учебного года составляет 3,5–4 месяца. «Так наши дети умудряются проходить учебную программу десятилетки за четыре года, — уточнил один из молодых людей. — Помещение одно — для всех классов. Вот, и получается, что у нас ни в Зендовуде, ни в Рогиче нет человека с полноценным средним образованием, не говоря уже о людях с высшим образованием».

Рассказы моих случайных спутников о медицинском обслуживании горных жителей были удручающими. «Медицина у нас — народная. Бывает, что больных везем в Магиан». «Каким образом? Ведь, у вас нет ни дороги, ни транспорта». «Дастак», — коротко ответил молодой человек. Как он пояснил, *дастак* представляет собой приспособление следующего вида: по бокам осла привязываются два деревянных бруса. Пространство между брусками выкладывается поперечными палочками, поверх которых стелют матрас, на него — больного, после чего два человека берутся каждый за один из свободных концов брусков, и таким образом отправляются вниз по течению реки в Магиан, расстояние до которого восемнадцать километров, как от Зендовуда, так и от Рогича.

— Если больному потребуется экстренная помощь, скажем, у него аппендицит — тогда что?

— Так же. Другого способа нет.

— Сколько времени эта «Скорая помощь» находится в пути?

— В летнее время около семи часов. Зимой — больше. Это зависит от высоты снежного покрова.

Из пояснений вытекает и другое: бывает, что в зимнее время дорога почти до Магиана покрывается голубым льдом. Из-за скользкой ее поверхности ослик часто падает, падают и сами носильщики. «Наверное, бывает, что больных не довозят до Магиана: они умирают в пути». Ответ был уклончив, хотя,

совершенно очевидно, что смерть человека на пути к цивилизации заставляет родственников смириться с судьбой, считая случившееся волей Провидения. Хотя, как мне кажется, грешно ответственность за жизнь людей «вешать» на Провидение. Все объясняется безразличием властных структур к проблемам населения, волей судьбы оказавшегося в суровых условиях гор.

Так за разговорами с молодыми людьми мы подошли к развилке тропы, где они повернули к востоку, уходя вверх к Зендовуду. Оказалось, что он в стороне от пути к моей цели. Мне оставалось снять с ослика свой узелок, в котором был завязан местный стеганный халат (на случай холода в горах), закинуть его за спину, проститься с молодыми людьми и одному продолжить свой путь вверх по правому берегу горной реки к Рогичу — на юг.

Около пяти вечера я уже сидел на тахте под открытым небом у дома лесника. Тахта находилась в двух-трех десятках метров от знакомого мне строения местной школы. Оно состоит из двух помещений — классного и жилого для педагогов. Жилое помещение служит и приютом для приезжих гостей, в том числе и паломников к Хазрату Султану. Мне приходилось ночевать в нем еще в 1974 г.

Лесника-хозяина не было, не было и Насруллы. Жена лесника сказала, что он на сенокосе далеко от селения, что, может быть, появится завтра. Примерно через полчаса появился Насрулла. Его я увидел на расстоянии от тахты, на которой сидел, у местного «супермаркета», представляющего собой половину крытого кузова автомобиля, лихо установленного на огромной каменной глыбе. Оказывается, он — хозяин этого «супермаркета». Пока Насрулла разгружал своего ослика с новыми товарами, выстроилась очередь. В ней в основном женщины и дети. Я послал мальчишку за хозяином «супермаркета», чтобы проконсультироваться с ним относительно дальнейшего пути к святому месту. Как-никак он — брат Абдуллы, к которому я послан. Тот пришел не сразу. Тем временем вокруг меня собралась толпа любопытствующих мальчишек. Был среди них и юноша, назвавший себя *Абдураззак*. Он оказался на редкость любопытным. Вызвал у меня буквально все: откуда я, что меня привело в Рогич, знаком ли я с президентами Таджикистана и России или с генсеком ООН и т.п. Эти странные вопросы забавляли меня. Потом выяснилось, что, задавая их, Абдураззак преследовал определенную цель, о чем я скажу позже.

Узнав, что я собираюсь путешествовать к мазару, в его интерпретации Худж(а) До(у)д («святой Дауд» — библ. Давид), Абдураззак без промедления выразил готовность взять на себя обязанность проводника. Он сказал, что бывал на интересующем меня ритуальном объекте много раз и хорошо знает все пути и подходы к нему. Он, в частности, заявил: «Я знаю и проход через минное заграждение». «Какое это еще минное заграждение!?» — спросил я, делая вид, что слышу об этом в первый раз. Пока Абдураззак пояснял суть дела, я вспоминал слова председателя сельского совета в Магиане, при обсуждении

рогического варианта маршрута сказавшего: «Мы не видели друг друга!». Но то, что сказал юноша, не повлияло на мое решение дойти до конца.

Я согласился с Абдураззаком, предложившим свои услуги в качестве проводника. Но он почему-то медлил, видимо, ожидая разрешения на то как минимум Насруллы. Немного погодя пришел и Насрулла. Я сказал ему, что, несмотря на позднее время, намерен продолжить путь, что мне нужен проводник, хорошо знающий дорогу к святыне. Он подтвердил слова Абдураззака об узбекских минах и предложил дожидаться возвращения Абдуллы. Но, выслушав мои аргументы относительно необходимости продолжения движения к цели, он согласился. Согласился он и с моим выбором в качестве проводника Абдураззака, который, не знаю почему, сиял от радости.

Получив одобрение Насруллы, Абдураззак побежал куда-то вверх по склону, к которому прилипли дома жителей. Все они каркасной конструкции, между стойками — камень на глиняной обмазке. Страшно представить себе, если произойдет землетрясение, — камни посыплются, скатываясь вниз и оставляя стойки голыми. Через некоторое время Абдураззак вернулся. Он был опоясан поясным платком поверх поношенного пиджака, в руке держал палку.

Когда мы тронулись, а к этому времени солнце шло к закату, Насрулла произнес: *Poxi safed* (букв. — светлого/белого пути), *Худжаи Хизр мадад кунад!* («Святой Хизр да поможет вам!»). У таджиков это обычная формула благопожелания путнику. Одна из многочисленных функций Ходжиа Хизра — популярного персонажа мусульманской мифологии — быть защитником и покровителем людей в пути.

Едва мы оказались на окраине селения, как из-за поворота появился молодой человек с полудюжиной палок под мышкой. Видно было, что они только что срезаны с дерева и тщательно обтесаны. Абдураззак, нисколько ни церемонясь, резким движением руки вытащил у встречного юноши одну палку и вручил мне, сказав: «Теперь мы экипированы полностью и спокойно можем продолжить путь. Лепешки я взял, они у меня завернуты тут в поясным платке». И тут мне вспомнилось представление таджиков о необходимости пояса, палки/посоха и как минимум пары лепешек во время путешествия. Дул холодный и пронизывающий ветер. Мы шли по узкой тропе против течения реки по правому ее берегу. Прошли километра три, перешли по деревянному мосту на левый берег, а там начался подъем. Чем дальше мы шли, тем круче он становился. Вскоре долина погрузилась в абсолютный ночной мрак. «Как это место называется?», — с трудом переводя дыхание, спросил у проводника. «Гурдара». Это название в буквальном переводе означает «Долина Смерти». В ночное время в ней мрачно, как в пещере. Страшно смотреть по сторонам, хотя вокруг, кроме звездного неба над головой, ничего и не видно. Такое впечатление, что здесь опасность подстерегает под каждой скалой, кустом или деревом вдоль тропинки.

С каждым шагом двигаться становится все трудней. Абдураззак, для которого эти тропинки привычны, забирает мой узелок с халатом, чтобы мне легче было взбираться вверх. Освободившейся рукой я достаю из кармана куртки мобильник, чтобы использовать его дисплей как фонарик. Наконец тропинка пошла по относительно ровному месту. Слышу, как Абдураззак говорит: «Через часок у нас будет привал. На нашем пути есть небольшая группа *каппа* (шалашей). Мы там остановимся, попьем чаю, немного отдохнем и в четыре часа продолжим движение». Часок, о котором говорил проводник, оказался мне бесконечно долгим. Тропинка опять пошла вверх. Наконец Абдураззак произнес: «Вот они долгожданные каппа!». В темноте я никаких капп не различал. Я их увидел, когда мы подошли к ним уже вплотную. Шалашей — четыре. В них никаких признаков жизни. «Хозяева уехали на летовку. Сюда они вернутся поздней осенью ко времени созревания ячменя», — пояснил проводник. Я не стал уточнять, почему именно ко времени созревания ячменя и подумал: «Наверно, это связано с календарем, со сбором урожая ячменя; в этих местах пшеница не созревает».

Абдураззак быстро снял связку сухих ветвей, вертикально установленную в проем, служащий входом в шалаш, и предложил пройти за ним внутрь. При тусклом свете мобильного ничего нельзя было различить. Я вдруг почувствовал, что стою на сухой траве. Оказалось, что она покрывает часть внутреннего пространства шалаша, служа неким паласом. Юноша сказал: «Вы посидите тут, а я — за хворостом. Разведем костер, согреемся, чаю попьем». Он вышел из шалаша и тут же растворился в темноте. Буквально через несколько минут он вернулся с большой охапкой хвороста, которую уложил слева от входа, неведь откуда достал спички, и вскоре костер запылал. В пламени огня я осмотрел шалаш изнутри. Справа от меня — большая куча свежего говяжьего навоза. Значит, до нашего прихода странноприимным шалашом пользовались коровы. Каппа своим коническим остовом напоминает чум народов Севера России, но она без покрытия. В отличие от чума местная каппа представляет собой стационарное жилище. Основу ее конструкции составляют шесть массивных необтесанных можжевельновых стволов, установленных таким образом, что шалаш принимает форму конуса. Это достигается благодаря связыванию вместе верхних концов стволов; они потоньше, чем нижние. Пространство между стволами забрано ветвями кустов, уложенными вертикально. Такая конструкция позволяет в дождливую погоду внутреннему пространству шалаша оставаться сухим, так как вода, стекая по наклонной поверхности в канавку снаружи в нижней части каппы, уходит в сторону.

Когда костер разгорелся, Абдураззак снова вышел из шалаша и тут же вернулся с двумя фарфоровыми чашками (*тиёла*) и металлическим кувшином для кипячения воды. Чашки он поставил недалеко от костра, взял кувшин и вышел из шалаша, сказав: «Я — мигом, за водой для чая». Он ушел, а я остал-

ся у костра в халате, глядя на пламенеющий огонь. Слышу, как где-то внизу течет шумливая и поющая речка. Вот и Абдураззак пришел, довольный, как будто раздобыл нечто невозможное. «Не опасно было?», — спрашиваю я. «Я знаю тут один безопасный спуск к речке. Он — проверенный, надежный».

Вода закипела быстро. Проводник дотянулся руками до связки сухих веток с мелкими листочками, что висела на стволе можжевельника справа от выхода около костра, выдернул из нее несколько веток и сунул в кипящий кувшин. «Это — дикорастущее *кукути*. Заварка», — пояснил он. Заварка настоялась две-три минуты, после чего началась «чайная церемония» у тлеющих углей. Между прочим, чай оказался весьма вкусным и ароматным. Я пил его с удовольствием.

Абдураззак положил на тлеющие угли несколько толстых палок, чтобы поддержать пламя, и предложил немного поспать. Я лег на сено ногами к костру, накрывшись халатом. Уснул почти тут же. Но вскоре проснулся от холода. Странно, как в горах быстро прогорают дрова. Пришлось разбудить проводника. Он положил на едва живые угли новые дрова. Огонь разгорелся с новой силой. Но сон уже прошел. Я просто лежал, смотря на огонь. В четыре часа встал и Абдураззак. И мы снова в пути. Когда прошли немного, я спросил у проводника, в каком направлении нам предстоит идти. Он указал на Большую Медведицу на звездном небе, назвав ее *хафт бародарони калон* (букв. «Семь братьев больших»), и добавил: «Наш путь — немного левее». Я поинтересовался, что значит «Семь братьев больших»? Разве есть еще и другие братья? «Да, есть еще *хафт бародарони хурд* («Семь братьев меньших»). Гляньте на небо, вот они, — правее больших братьев».

Каменистый путь, по которому мы взбирались, по крутизне оказался куда более трудным, чем тот участок, который был уже пройден. Преодоление узкой и местами пыльной тропы с выступающими из-под земли острыми камнями требовало огромных усилий. Русская пословица «Тише едешь — дальше будешь» очень актуальна и для пешей ситуации. Бывалые люди говорят, что движение по горам не терпит быстроты потому, что путешественник быстро устает, а привал, чтобы перевести дыхание, лишает его силы еще больше. Отсюда и предписание традиции — хочешь дойти до дальней цели, двигайся медленнее и по возможности не останавливаясь, иначе организм остывает, что препятствует сохранению силы при движении на большие расстояния. Но тропа на крутом склоне, по которой шли мы, требовала именно быстрого движения, чтобы не сорваться. Так мы оказались на гребне небольшого перевала, откуда открывается вид на летовку жителей Рогича. До нее километра три. Слева от летовки возвышается громадная горная вершина почти в форме прямоугольника; она ассоциируется с *Айдулун Пук* (лит. Айолони Пок) — праведными женщинами (о них будет сказано немного позже). А далеко за перевалом, но уже справа от летовки видна вершина, повторяющая форму описанных выше кони-

ческих шалашей. Там — наверху усеченного «конуса» — святыня Хазрати Султан; она именуется *taxtgox* (букв. «тронное место»). Это и есть моя цель.

Первые лучи солнца уже коснулись тахтгоха. Конечно, жалко, что не удалось до восхода солнца оказаться на вершине. Но это не меняет моих планов — дойти сегодня до объекта, хотя при мысли о минах уверенность смешивается с сомнением.

— Сколько еще впереди?

— Немного, ну, шесть или около того. Короче, одна треть пройденного пути. Говорят, что сам мазар на высоте почти четырех тысяч метров (над уровнем моря).

Летовка представляет собой группу из двух десятков отдельно стоящих убогих каркасных лачуг. Стены — сочетание вертикальных деревянных стоек и камней, уложенных на глине почти без обмазки. Абдураззак привел меня в хижину на краю стоянки. Когда мы вошли в нее, там сидел на корточках невысокий бородатый, немного хмурый мужчина лет 55–60. Он был занят разведением огня прямо у стены, где не было никаких признаков очага.

— Мой отец, — коротко произнес Абдураззак.

— Как же, вы, кажется, говорили, что ваша семья не выезжает на летовку.

— Да, это так. Но, узнав о том, что мы с вами в пути к Худж(е) До(у)ду, решил последовать за нами.

«Ясно, — подумал я, — Из опасения за жизнь сына».

— Как же это так — он отправился в путь из Рогича после нас (как выяснилось потом — в полночь) и оказался здесь раньше нас?

Мужчина пояснил, что, не доходя до шалашей, где мы останавливались, он свернул с нашего пути, уходя сначала на юг, а затем на запад в нашем направлении. Этот путь не короче, чем тот, по которому шли мы. Но отец Абдураззака шел всю ночь, нигде не останавливаясь. Поэтому он оказался на летовке раньше нас.

За чаем, который был заварен прямо в кувшине — металлическом кипятильнике, Абдураззак представляет меня своему отцу:

— Наш гость — из Душанбе, от президента нашей страны. Он большой человек. Имел личные встречи с президентами Киргизии, Узбекистана, России, Казахстана и Америки. Сейчас границы между этими странами упраздняются. Их не будет... Он хочет показать нас по телевизору и рассказать о нашей трудной жизни... Ему нужно к святыне Худж До(у)да.

Я пытаюсь понять смысл всей этой «дипломатии» Абдураззака. Почти не остается сомнений, что для него это — некий пиар: мол, смотрите, мои односельчане, какую важную фигуру я имею честь сопровождать! Вот пример моей значимости! В какой-то момент я подумал: «Было бы у него образование, должность президента Таджикистана или генсека ООН была бы ему гарантирована».

Закончив чаепитие, мы отправились в путь вверх к объекту почитания. Туда нас ведет уже не Абдураззак, а его отец, «узурпировавший» обязанность проводника. Отправленный «в отставку» юноша сник и загрустил, как-то ушел в себя. Было видно, что он потерял интерес к нашему путешествию. На первой остановке до сих пор молчавший отец Абдураззака заговорил: «Все, что я слышал — хорошо. Но... Есть ли у вас какой-либо документ или письмо от больших (центральных) начальников?». Абдураззак поспешил опередить меня, сказав: «Да, я сам видел, у нашего гостя есть все — и паспорт, и письмо от больших начальников». Конечно, он слукавил, на эту тему разговора у нас не было. Едва я достал из кармана паспорт, как Абдураззак сказал отцу: «Видите, какой у него паспорт — красный!». «Старший» взял его, полистал как-то безразлично и вернул мне. «А как насчет письма?», — спросил он. Я был слегка озадачен: у меня, кроме блокнота, другой бумаги с собой не было. Наугад сунул руку в боковой карман, а там какая-то бумажка, вся мятая-перемятая. Развернул ее и увидел на одной стороне набранное на компьютере стандартное приглашение какого-то акционера на собрание. На полях и на обороте — заметки, сделанные мною во время предыдущей поездки в Горную Матчу. Ее я и протянул «старшему». Он взял, посмотрел на нее, выдержал паузу, а затем спросил: «Почему в вашей бумаге и печатные буквы, и буквы от руки?». «Печатные буквы — это само письмо от больших начальников, а то, что от руки — их подписи», — поспешил пояснить Абдураззак. Видимо, это успокоило бдительного проводника, и он вернул мне бумагу. Я не хотел терять ее из-за упоминавшихся заметок, которые еще не успел занести в полевой дневник.

Проверка, которой подверг меня «старший», показалась мне странной. Не знаю почему, но в душе у меня возникло сомнение в благополучном исходе задуманного. Так или иначе, после еще двух остановок мы были на гребне перевала Бузот, откуда открывается конусообразная горная вершина — святыня хазрата/ходжи, шаха Султана или Давуда.

Предания о святом — замечательный пример представлений таджиков не только о горной вершине определенной формы, в данном случае конической, но и о пещере (*гор*) как обиталище героев и праведников. Здесь отмечу лишь то, что, по преданию (*ривайат*), известному среди местного населения, хазрата преследовали противники шиитской партии 'Али (Али) б. Аби Талиба (четвертого праведного халифа и зятя Пророка Мухаммада). Уходя от преследований, грозившей святому смертью, он нашел убежище сначала в Тронном Месте (*тахтгохе*), а затем, после совершения там молитвы, о чем якобы свидетельствуют «отпечатки» его рук и лба на камне при позе *саджда* (поклонения), — в пещере в невидимой (северной) части «конуса».

Из рассказов я делаю вывод, что эта пещера находится на северо-восточной стороне тахтгоха и доступна разве что птицам. По ривайату, был все же

один смелый человек, прославивший затем праведным, который спустился с вершины спасения к входу в пещеру и проник внутрь ее. За это он был прозван *Хаджаджи Паранда* (букв. «Хаджадж Крылатый»). Чудотворец спустился с горы с дарами пещеры. Ими были три яблока, три граната (по другой версии — три груши) и три грозди винограда. Он рассказывал окружающим об увиденных в горе райских садах и прозрачных родниках, наполняющих звенящие ручьи и речки, несущие свои воды во все уголки пещеры. Гор утопает в зелени и благоухает цветами. В центре пещеры — огромное дерево. Четыре его ветви обращены к четырем сторонам света. На одной из них висит голова убиенного имама Хусейна — сына Али б. Аби Талиба. Он мученически погиб от рук сторонников халифа Йазид, враждебного алидам, т.е. партии его отца. Голова имама завернута в белую материю, из которой и поныне сочится кровь.

Согласно ривайату, когда имам Хусейн был убит, злодеи отделили его голову от тела и целую неделю забавлялись, пиная ее ногами. Ходжа Султан глубоко переживал, видя, как безумцы издеваются над головой его племянника. В порыве гнева он отрезал голову собственного сына и, уловив момент, подбросил ее к ногам обезумевших сторонников Йазид, заменив ею голову племянника-имама. С ней в сопровождении группы воинов он бежал на восток. Противник преследовал его до Фанских гор. Милостью Бога здесь он нашел пещеру, которая и стала его спасением.

Такова канва мифологии эпонима мазара. Что касается его ритуального посещения, то спустя несколько лет после обретения Узбекистаном статуса независимого государства два маршрута к нему со стороны Таджикистана — рогичский и фарабский, — были отрезаны сначала погранзаставой, а потом противопехотными минами. Теперь таджикистанским паломникам святыня доступна только с территории Узбекистана. Но, по рассказам, существующие правила пересечения гражданами Таджикистана границы этой республики таковы, что они не гарантируют таджикистанским паломникам беспрепятственного ритуального путешествия к объекту культа.

После небольшой передышки на перевале я предложил спуститься вниз к узбекской границе. Проводники дошли лишь до каменных «пограничных столбов», видимо, выложенных рогичскими чабанами от нечего делать. «Старший» опустил на землю, его примеру молча последовал и Абдураззак. «Старший» сказал: «Дальше нельзя. Там — мины. Несколько лет назад на них наравались семьдесят наших коров и овец, а два года назад случилась беда: наравались четверо наших парней. Один погиб на месте, трое получили тяжелые ранения». Абдураззак, который еще в Рогиче уверял меня, что знает безопасную тропинку к ритуальному объекту, молчал. В отношении его искренности у меня сомнений не было. Думаю, что отговорил его от задуманного отец. Я пытался склонить «старшего» к продолжению движения вниз, хотя бы к гробнице

Мукбил Шо (у основания «тронного места»), по преданию, брадобрея святого Султана, но он был непоколебим. Я начал спускаться по бездорожью к Мукбил Шаху один.

В отличие от юго-восточной (таджикской) стороны Бузота его северо-западная (узбекская) сторона покрыта густой травой. Абдураззак как-то сказал, что в этом месте в траве полно ядовитых змей. Но в этот момент я о них не думал, хотя был обут в кроссовки с джинсовым верхом. Почти вплотную подошел к крестообразным металлическим стойкам, вбитым в землю и обозначающим узбекскую границу. Это и были маркеры смертоносных мин на пути к объекту паломничества. В советское время тахтгох Хазрата Султана и уже упоминавшаяся святыня *Айолони Пок* (она связана с женой самого хазрата и женами его сторонников) составляли части единого культового объекта. После распада СССР Хазрат Султан оказался на территории независимого Узбекистана, а Айолони Пок — на территории Таджикистана. Говоря фигурально, в новое (постсоветское) время брак между святыми супругами оказался по-смертно расторгнутым. Теперь Хазрат Султан «отгораживается» от своей супруги противопехотными минами.

На обратном пути к летовке Абдураззак предложил спуститься в относительно неглубокий, но длинный овраг, из красноватых и почти вертикальных стен которого сочилась вода. Стекая вниз, она образует мелкий ручеек. Это один из двух стоков речки Гурдара. Второй сток берет начало в озере *Айолони Пок* на высоте 3600 метров над уровнем моря к югу от одноименной святыни Айолони Пок. Озеро наполняют ручейки, которые стекаются у подножий громадных горных вершин, состоящих из мрамора черного, серого или розового цветов и расположенных к юго-востоку от святыни беглянков. Оба стока затем сливаются с Магиандарьей, а эта последняя внушительным потоком впадает в Зеравшан.

Когда мы оказались в овраге, Абдураззак начал что-то искать. Было такое впечатление, что он ищет потерянную здесь вещь. Спустя немного времени он поднял какую-то вещичку и показал мне. Находка ничем не отличалась от рукотворной глиняной игрушки, по цвету повторяющей местный краснозем. Она имела безупречную форму конуса со спиралевидной линией на поверхности. Конусообразные шалаши, конусообразная святыня, здесь еще конусообразные глиняные «игрушки», изготовитель которых сама природа, — во всех этих совпадениях форм сокрыта какая-то мистическая тайна, которую невозможно разгадать. Абдураззак сказал: *Ин тумор ба Шумо* («Этот оберег — Вам»). Пока мы шли вниз по оврагу, он продолжал поиск этих тумаров, предлагая мне последовать его примеру. В итоге я нашел два таких же тумара, он — целых пять. Проводник сказал, что паломники носят их на шее.

Вернувшись на летовку, я вспомнил, что со вчерашнего утра у меня во рту и крошки не было. Пил только чай. Поэтому, когда обитатели летовки предло-

жили мне чашку кислого молока, я охотно согласился. «Старший» словно испарился. Мы с Абдураззаком тронулись в обратный путь.

Юноша, волею случая восстановивший свои права проводника, предложил частично изменить маршрут и идти тем путем, которым шел накануне его отец. Это позволило мне познакомиться с очень интересным культовым объектом, который составной частью входит в комплекс Хазрата Султана. Объект, именуемый *Мазори Шахидон* («мазар шахидов»), представляет собой весьма колоритную каменную грудку внушительных размеров, сложенную в овальной форме ближе к подножью прямоугольной скалы Айолони Пок. Она состоит из камней гранитной породы с естественным образом отшлифованной гладкой поверхностью. Формы многих из них почти не отличаются от рукотворных. Различимы, к примеру, «бюст», правда, с отрубленной головой и отрезанными руками, часть «седла», а также «фигуры» воинов, якобы сторонников шиитской партии алидов, павших или сражающихся с враждебным им отрядом Йазида. В центре груды, обнесенной каменной же стеной, водружен длинный туз-шест, который венчают рога архара.

Этот мазар находится на развилке путей к святыням Айолони Пок и Хазрата Султана. Следуя к ним, верующие останавливаются около него, читают молитвы, совершают вокруг святыни ритуальные круги и продолжают свой путь далее вверх к одному или другому объекту. Здесь нужно коротко сказать об уже упоминавшейся священной горе прямоугольной формы, называемой *Кухи Айолони Пок*. Ее высота около четырех тысяч метров над уровнем моря, она расположена недалеко от уже описанного культового объекта Хазрата Султана. Как уже говорилось, объект паломничества Айолони Пок связан с культом мусульманских (шиитских) беглянок — святых жены самого святого и жен его сторонников, также спасшихся от преследования воинов Йазида, забравшись на вершину труднодоступной горы.

Далее наш путь шел по тому участку, по которому следовал за нами вчера ночью отец Абдураззака. Часть спуска по нему оказалась гораздо сложнее, чем подъем. Вообще, глядя на пройденный нами в минувшую ночь путь уже при свете дня, по настоящему стало страшно. Я шел и в душе воздавал молитву небесным силам за то, что они не дали ночью погибнуть в Долине Смерти. Зажатая с двух сторон головокружительными горами, Гурдара представляет собой мрачное царство громадных глыб и валунов. Другая характерная черта ландшафта — густые заросли кустов и деревьев, сквозь которые, петляя, проходит узкая полоска тропинки. Из-за крутого подъема путешественнику, следующему по ней, редко приходится оглядываться по сторонам, чтобы не сорваться.

Около шестнадцати часов мы были в Рогиче. Абдуллы по-прежнему не было. Его жена предложила чаю. Я отказался, поблагодарив, и начал спускаться вниз один, сначала по склону, а затем по ущелью к Магиану. Уже стемнело, когда я прибыл туда. Не было больше сил продолжать путь. Вспомнил своего

давнего знакомого и гостеприимного хозяина Джобиркула. Он и его сын встретили меня очень приветливо. К дастархану было подано обильное угощение, а чуть позже и ожидаемый, по обычаю гостеприимства на Востоке, плов. Почувствовав мою усталость, Джобиркул распорядился приготовить постель. Рано утром следующего дня на перекладных я уехал в Гусар (откуда начинал свой путь к перевалу Бузот). Не доехав до места, машина сломалась. Пришлось идти долго с увязанным в пояском платке халатом на конце палки, которая была у меня на плече. Один из моих знакомых в Гусаре, увидев меня в таком виде произнес: «Неужто к нам пожаловал Радж Капур?!» (индийский актер, сыгравший главную роль в фильме «Бродяга». — Р.Р.).

Кто-то из восточных мудрецов сказал: «Цель влечет за собой и страдание». Мое многотрудное и безрезультатное путешествие в поисках чудес через Долину Смерти к минному заграждению, закрывавшему от меня вершину спасения, вполне это подтверждает. Полученный мною результат весьма скромнен. Он выражается в открытии для этнографии ритуального объекта, который, судя по всему, хранит в труднодоступных горных вершинах интересные отголоски мысли и переживания отдаленных времен.

Библиография

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 8. СПб., 2008.

Рахимов Р.Р. Пути к святыне в теснине гор // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб., 2009.

Crimeinfo. Душанбе. N 28. 8 июля 2009.

Р.Р. Рахимов

**ОДИН ДЕНЬ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ
(СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ПОЕЗДКИ 2010 г.
В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ)**

Предлагаемые заметки продолжают серию рассказов о «дорожных людях», ставших темой публикаций автора в последних выпусках «Материалов полевых исследований МАЭ РАН» [Рахимов 2008 а: 96–112; 2008 б: 144–172; 2009: 140–159; 2010: 138–152]. Под «дорожными людьми» подразумеваются люди, которые либо встречаются полевику на его пути, чаще — к дальним объектам исследования, либо оказываются его случайными спутниками. Это понятие включает также людей, объединенных общим интересом, например участников научной экспедиции.

Предлагаемые страницы из полевого дневника представляют собой рассказ о посещении в 2010 г. участниками Центрально-азиатской этнографической экспедиции МАЭ РАН в составе автора этих строк, а также кандидата исторических наук К.С. Васильцова и научного сотрудника Н.С. Терлецкого святыни *ходжи Аби Дардо* на Зеравшане.

Поздно ночью, перед отходом ко сну приехали из Душанбе члены экспедиции Н.С. Терлецкий и К.С. Васильцов. Приехали с двумя, как выразился Николай Сергеевич, Шумахерами. Ими были мои племянники Бахтиёр и Зафар. До штаба¹ в поселке Гу-

¹ Слово *штаб* подразумевает строения, оставшиеся от покойной матери автора этих строк в поселке Гусар Пенджикентского района. Уже несколько лет они служат базой нашей экспедиции.

сар на Зеравшане, где я находился уже несколько дней, ожидая приезда членов экспедиции, они добрались за пять часов, оставив позади 260 км пути, 80 из которых вниз по правобережью Зеравшана представляют собой сплошные ухабы и колдобины.

Константин Сергеевич довольный, смеется. Я ему говорю:

— Из Вас этнографа не получится.

— Почему?

— Потому что Вы только что женились. Вам, как новобрачному, следовало бы еще оставаться в постели, по крайней мере в течение 40 дней.

— Почему 40 дней?

— Это количество медовых дней на Востоке. А Вы, не насладившись, как следует, даже медовым месяцем, все бросили и уехали. В конце концов, это бегство.

Не успел я закончить фразу, как Николай Сергеевич сказал:

«А это, как раз говорит о том, что Константин Сергеевич — настоящий этнограф. Он предпочел этнографию выполнению супружеских обязанностей в медовый месяц».

«К тому же, — добавил новобрачный, — жена скоро приедет сюда с археологами, и мы уедем с ними в Горную Матчу. Вот и будут у нас и медовый месяц, и медовые 40 дней».

Племянницы — Умеда и Зайнура — подали к дастархану все, что ими было подготовлено к приезду молодожена и Н.С. Они привезли «Таджикистон» — бутылку понравившейся им местной водки. Как раз на троих. За дастарханом поговорили о событиях и новостях в Питере, в музее.

На следующий день принялись обсуждать наши планы. Мы решили для начала уделить некоторое внимание изменениям в облике местного жилища в новых (постсоветских) условиях. Но основная цель — посещение святыни *ходжи Аби Дардо*. Она находится в селении Заурон, расположенном в 10 км к югу от поселка Навобод. Этот последний — в 4–5 км к востоку от нашего штаба, т.е. от поселка Гусар. Расстояние небольшое, но дорога от Навобода до объекта довольно сложная.

Обсуждая детали этой поездки, мы решили, что до *ходжи Аби Дардо* поедем на машине. Там машину отпускаем, а в штаб возвращаемся пешком другим путем — через перевал Сичча, спу-

стившись к Оби Сарой — предместью селения Мазори Шариф. Это позволит нам посетить еще два культовых объекта, которые связаны с мифологией эпонима интересующего нас святого места. Так, если ничего не помешает, к вечеру будем уже в Гусаре, замкнув прямоугольник пути общей протяженностью более тридцати километров.

Этот путь мне хорошо знаком еще с детских лет. Селения Заурон и Мазори Шариф, откуда происходят мои родители, расположены по разные стороны перевала Сичча. Помнится, мальчишкой я однажды явился в Заурон погостить у двоюродного брата Курбонмурода, который был на год младше меня. Его родители, люди состоятельные, ничего не жалели для единственного ребенка. Мне — внуку раскулаченного и репрессированного — казалось, что у него есть все, чего желает душа ребенка. В том числе и трехколесный велосипед, с которого он не слезал почти весь день. Тетя Гульмо, сестра моей матери, заметила, что я с воодушевлением смотрю, как ее сын катается на велосипеде. Через несколько дней, когда мне нужно было возвращаться домой в Мазори Шариф, она шепнула: «Если хочешь, велосипед можешь забрать с собой, но так, чтобы Курбонмурод не видел этого». Радость охватила меня, и я даже не успел подумать, какие тяготы с неуклюжим грузом предстоит мне испытать в дальнем пути до Мазори Шарифа. Теперь всякий раз когда я слышу анекдот, как Ходжа Насреддин тащил на спине своего осла, вспоминаю историю, которая когда-то приключилась и со мной.

Короче говоря, улучив момент, я взял наполовину подаренный, наполовину краденый велосипед и быстро скрылся за бугор, где по затяжному каменистому саю¹, который все время шел вверх, а затем по крутому подъему забрался на перевал Сичча. Теперь, по истечении многих десятилетий, вспоминая свой героизм, ловлю себя на том, что испытание, которому я подверг себя тогда, было неким экзаменом на преодоление страха. Я должен хвалить себя за то, что выдержал его. И **в самом деле, тогда не каждый мой сверстник рискнул бы оказаться один в этих безлюдных местах, опасаясь атаки волков или воображаемых демонических сил, которые, по поверьям, только и норовят напасть на одинокого человека.**

¹ *Сай* — высохшее русло селевых потоков.

Но тогда о страхе я не думал. Мне казалось, что приобретение защитит меня от любой опасности. Опыт преодоления страха в детстве позволил мне со временем сформулировать свою собственную концепцию дорожной демонологии. По ней, сонм демонов пути суть фантомы страха. Так или иначе, после перевала горная дорога, петляя в разные стороны, шла вниз, сначала по склону, затем опять по саю с камнями меж низкорослых кустов. Ни о какой езде на велосипеде и думать было невозможно. Оставалось только тащить нестандартный груз.

Дома мое приобретение вызвало такой интерес, что мальчишки селения толпами ходили смотреть на него как на чудо. А я чувствовал себя императором. Я катался на нем до первого снега. Вообще-то кататься было негде, кругом бугры, холмы, подъемы и крутые спуски. Обычно я тащил велосипед, сколько мог, вверх по склону и оттуда катился вниз, расставив ноги в стороны, насккивая на кусты, бугры и камни.

Скоро наступала зима. Для этого сезона у нас была своя игра. Самодельная игрушка представляла собой большую монету, прикрепленную к куску козьей шкуры с длинной шерстью. Называлась она *ламка*. Играли там, где была подходящая площадка: ламку бросали на согнутую в колене правую ногу и резким ударом отправляли ее вверх как можно выше. От высоты полета игрушки зависело сохранение игроком равновесия при оперировании ламкой в основном правой ногой. Велся учет количества полетов ламки «вверх — вниз» за один прием.

Я был особенно удачлив, когда в игру пускалась ламка, которая была изготовлена одним из соседских сверстников. Мне удавалось легко управлять ее полетом, достигая максимального результата. Это и решило судьбу велосипеда: его, с искореженным передним колесом, я поменял на эту ламку, надолго закрепив за собой репутацию недосягаемого мастера в этой игре.

Вернемся к разговору о подготовке к поездке на святыню *Аби Дардо*. Все шло хорошо. Настрой Н.С. и К.С. на поездку был вызван их желанием изменить характер работы, переходя от мало-подвижной деятельности в Гусаре к более подвижной. Но возникла непредвиденная ситуация, из-за чего намеченный нами план оказался под угрозой срыва. Дело в том, что днем раньше

К.С. и Н.С. ходили на Зеравшан не купаться (течение этой в летнее время, в пору таяния снегов, мутной реки столь быстрое, что исключает купание), а позагорать. Предполагалось, что они вернутся в штаб часам к одиннадцати, чтобы не перегреться под палящими лучами солнца. Однако время близилось к обеду, а их все не было. В душу закралось опасение, что они злоупотребляют жаркими солнечными лучами. Я уже раздумывал, идти за ними или нет, как они явились сами. Но это было уже не в одиннадцать часов, как мы договаривались, а далеко за полдень. По виду они были довольные и готовые после обеда продолжить работу. Это радовало. Но радость оказалась преждевременной.

Утром следующего дня К.С., и так обычно немногословный, явился к дастархану какой-то совсем мрачный, с явными признаками нежелания участвовать в разговоре. Обычно в дружеской беседе, когда речь касалась его или когда требовалось участие в «философских вопросах», он как-то зажигался, выражение лица менялось моментально. Он становился совершенно другим: легко отшучивался, смеялся — одним словом, быстро превращался в приятного собеседника. А тут сидит за дастарханом до неузнаваемого хмурый, не ест, не пьет.

Выяснилось, что К.С. все же накануне перегрелся на солнце. По опыту знаю: это пресквернейшее состояние. Со мной это произошло однажды в середине семидесятых годов в верховьях Варзобдарьи, где я собирал сведения по традиционной социальной организации.

В случае с К.С. были все признаки того, что он нетрудоспособен. Был явно вял, ел менее чем умеренно, а в тот день наотрез отказался от ужина. Я ему напомнил существующий на Востоке опыт, когда при солнечном ударе прописывают кислое молоко, и настоял на том, чтобы он «через не хочу» выпил его, поданное к дастархану в глубокой чашке. Он внял совету. На следующий день выпил еще одну чашку, конечно, «через не хочу». Но в третий раз (кажется, в обед) он отказался наотрез, сказав: «Не хочу, не помогает». Он совсем замкнулся. От бывшего неудержимого смеха и следов не осталось. Врачи прописали ему постельный режим, уколы, пилюли и универсальный в центрально-азиатской медицинской практике физраствор. Константин пролежал два дня, а

на третий заявил: «Надоело». Сделал паузу, а затем твердо сказал: «Едем!», хотя выглядел неважно.

С учетом его состояния мы рассматривали несколько вариантов осуществления поездки на *Аби Дардо*. Сам он высказался в пользу первоначального варианта поездки, т.е. едем в полном составе, а там, на объекте, машину отпускаем. Заканчиваем исследование мазара, пешком отправляемся вверх, «форсируя» перевал Сичча. На том и договорились.

Подъехали к мазару. Отпускать машину или нет — окончательный ответ на этот вопрос должен дать К.С., право выбора — за ним. На уточняющий вопрос он ответил коротко: «Пусть уезжает». Водитель развернулся и уехал. Мы приступили к исследованию места паломничества и поклонения верующих.

Первый объект представляет собой группу строений в северо-восточной части мазара. К ним ведет довольно широкая дорожка, с двух сторон обсаженная молодыми тополями. Дорожка покрыта цементным раствором и облицована битым мрамором. Строения предназначены для приема паломников. Они включают ночлежное помещение и помещение, видимо, для дневного пребывания семьи зрителя, группу кабин для совершения паломниками предварительного ритуального очищения (*тахорат*). Для этой цели в их распоряжении имеются кувшины с водой и чистые полотенца для обтирания частей тела, подвергавшихся омовению.

Посредине Г-образной формы строений — тахта, как и все помещения, застланная ворсовым ковром, паласом, матрасами и подушками. Есть и кухонное помещение для приготовления жертвенных угощений. Прибывшим паломникам предлагается чай с лепешками. Я заметил, что этой частью комплекса (видимо, в отсутствие мужа) ведает женщина, которая говорит на так называемом узбекском языке¹. После завершения мной определенных ритуаль-

¹ Титульная нация Узбекистана представляет собой аморфный конгломерат великого множества тюрко-монгольских кочевых племен и народов с особыми чертами языка и культуры. В нее включена также часть центрально-азиатского (среднеазиатского) населения, ведущая свое происхождение от восточных иранцев (таджиков), с которыми связано устоявшееся представление о культуре центрально-азиатского города, письма и пашни. Можно говорить и о других компонентах, к примеру арабах. В результате проведения большевиками политики национально-государственного размежевания в 1924 г. эти народы или

ных действий, обязательных для мусульман, посещающих святыню ислама, мы направились к основному объекту культа.

Он находится в центре кладбища, обнесенного каменной оградой. В нем заросли дикорастущего миндаля¹ и нескольких можжевельников. Есть там и молодые тополя, посаженные вдоль каменной ограды, а также громадный тутовник (шелковица). Я вспомнил, что в прежние времена тополей на территории кладбища не было, а тутовое дерево находилось у дороги за пределами ограды. Отсюда следовало, что каменная ограда была перемещена, она присоединила часть прежней дороги к территории кладбища.

По дороге вдоль восточной каменной стены мы шли к довольно высоким ступенькам к усыпальнице святого ходжи Аби Дардо. Навстречу шел мужчина лет 40–45 в современной одежде городского типа, но в кирзовых сапогах. Я его узнал сразу. Он сын умершего настоятеля, которого звали *Шодмонбой* 'Али. Зовут его Кийомиддин. По одежде и обуви Кийомиддин явно не походил на традиционного настоятеля объекта паломничества, каким был его отец Шодмонбой Али. Он больше походил на смотрителя.

В процессе переселений середины 1950-х годов, охватившем многие горные районы Таджикистана, семья Шодмонбоя с частью жителей родного селения оказалась в Гусаре. Шодмонбой был признанным мастером-деревообработчиком, считался также планировщиком домов нового (советского) стиля, за что его называли *усто* («мастер»). Усто длительное время руководил бригадой строителей местного совхоза «Маргедар». Достигнув преклонного возраста, он перестал участвовать в общественном труде, направив силы и средства на строительство частного дома на окраине селения Заурон. Толчком к возвращению усто Шодмонбоя к своим корням послужили его переживания о судьбе святыни ходжи Аби Дардо, которая после переселения местных жителей начала ветшать, а затем была охвачена пожаром, возникшим якобы в результате неосмотрительного обращения паломниками с огнем при возжигании ритуальных свечей.

оторванные части их (например, таджиков) были включены в состав Узбекской ССР, государственным языком которой был определен узбекский.

¹ При ответе на вопрос о свойствах дикорастущего миндаля (это и вопрос о мотивах его почитания) смотритель мазара сказал, что его плоды люди используют как средство от сердцбиения и кровяного давления.

Шодмонбой решил заняться восстановлением святыни, привлекая, во всяком случае на начальном этапе, свои средства, а затем и пожертвования жителей Гусара и Навобода — выходцев из Заурана. По истечении некоторого времени основная часть ремонтно-восстановительных работ и строительство помещений для приема паломников были закончены. Все это позволило усто Шодмонбою, пользовавшемуся авторитетом среди населения в области мусульманской обрядности, закрепить за собой обязанность настоятеля святыни.

После смерти Шодмонбая Али в 2008 г. место настоятеля (а скорее обыкновенного смотрителя) мазара унаследовал Кийомиддин. Он и встретил нас у ступеней дорожки, ведущей к центральному объекту культа. После обмена приветствиями он предложил последовать за ним, добавив: «Ремонтно-восстановительные работы еще не закончены».

Рис. 1. Общий вид мазара ходжи Аби Дардо.
Фото Н.С. Терляцкого, 2010 г.

Медленно, слушая рассказ Кийомиддина о состоянии святыни в прошлом, об обновленческой деятельности его отца, заодно осматривая объект культа, мы шли к гробнице. Это купольное

здание (рис. 1) имеет прямоугольную форму, кровля — из оцинкованного железа. Из этого же материала вырезан полумесяц, который венчает купол здания. Входная дверь резная, украшенная надписями на основе арабской графики. Как резьба, так и графика выполнены весьма скромно, можно даже сказать, что они не отличаются большой изысканностью.

У входа в здание на невысокой платформе установлен камень известкового происхождения почти правильной круглой формы (рис. 2). Из рассказа зрителя вытекало, что с этой мегалитической материей связана мифологема мазара. Легенда повествует, что ходжа Аби Дардо — *саххоба* (удостоившийся чести общения с Пророком религии), находясь в Арабистане, бросил этот камень в воздух, сказав однообщинникам: «Где он упадет, там, после смерти, меня и похороните». Камень, пролетев огромное расстояние (через несколько стран), упал на землю там, где он ныне стоит. Это и стало местом упокоения святого Аби Дардо.

Рис. 2. Камень, «прилетевший» из Арабистана.
Фото Н.С. Терляцкого, 2010 г.

В свое время мне приходилось слышать версию рассказа от самого усто Шодмонбоя об этом камне. По нему, святой Аби Дардо отправил его в воздух, находясь в Хорезме. Кийомиддин сказал (в свое время это я слышал и от усто Шодмонбоя), что многие паломники пытаются приподнять или хотя бы сдвинуть святой камень, но мало кому это удается.

Следует заметить, что культовые камни на Зеравшане не редкость. Как пример, укажу на почитаемый камень длиной примерно в один метр при высоте и ширине около 50 см, установленный в северо-восточном углу мавзолея *Ходжи Мохруй* в пригороде Пенджикента. Он покрыт куском материи зеленого цвета (сакральный цвет в исламе).

Слушая рассказы о камне у входа в усыпальницу Аби Дардо, исследователь невольно ловит себя на мысли, что первоначальным (доисламским) объектом почитания здесь являлся именно он. Но в Зауроне ислам не упразднил мегалитический культ, а интегрировал его в свою систему ценностей путем создания мифа о святом Аби Дардо.

Через двустворчатую дверь входим в мавзолей и оказываемся в передней (*дахлез*). Кийомиддин пояснил, что до пожара передняя была разделена на две части — собственно переднюю и помещение для сорокадневного ритуального сосредоточения (*чиллахона*). Затем стену, разделяющую дахлез и чиллахону, разобрали, что позволило значительно расширить пространство передней. Новую чиллахону планируется построить отдельно. Предполагается, что она будет примыкать к южному торцу гробницы. В западной стене дахлеза сделан решетчатый световой проем. Решетка деревянная, фигурная, состоит из сочетания четырех- и восьмиугольников, образующих розетки. Из орнамента традиционной декоративной вышивки таджиков известно, что если соединить противоположные углы «лепестков» между собой в виде косога и прямого крестов, то в итоге они формируют имитацию солнечных лучей. Среди прочих деталей светового проема привлекают внимание два одинарных рога архара, также элемент доисламского культа. Они прикреплены к решетке таким образом, что создают форму незамкнутого круга. Такой же решетчатый световой проем, но без рогов, устроен и в восточной стене центральной части усыпальницы.

Из передней через двустворчатую дверь паломник по ступенькам спускается к девятиметровой длины склепу святого Аби Дардо. Склеп имеет традиционную форму, называемую *сахвора* («колыбель»), он покрыт материей белого цвета. Ориентация (так же, как и в случае со склепом другого *саххоба* — ходжи Мухаммада б. Бушшора / Башоро в упоминавшемся выше селении Мазори Шариф) — север — юг. П-образной формы узкие проходы вокруг склепа застланы жертвенными ворсовыми коврами, паласами и матрасами. Как пояснил смотритель, до пожара склеп имел длину 13,5 м. Следовательно, и само здание имело большую длину. Видимо, недостаток необходимых материалов заставил усто Шодмонбоя ограничить размеры культового здания, в том числе за счет смещения к центру помещения торцевой стены (у изголовья святого), из-за чего свободный проход оказался закрытым.

Вынужденная перепланировка привела к тому, что выполнявшийся прежде паломниками обряд *тавоф* / *таваф* (трехкратный ритуальный обход вокруг склепа) стал теперь невозможным; осознанно или неосознанно эта практика оказалась упраздненной. Н.С. Терлецкий поинтересовался, в какую сторону паломники совершали обход. Смотритель ответил: «По часовой стрелке». Конечно, он был неточен. По данным, которыми располагаю я, в Центральной Азии, там, где это возможно, обходы подобного рода, включая и тавофы вокруг почитаемых деревьев, совершаются, как правило, против часовой стрелки. Это известно также из практики ритуальных шествий адорантов на Пасху вокруг церквей в православии.

Каких-либо признаков декоративного оформления купола или стен мавзолея нет. Смотритель (или настоятель) Кийомиддин пояснил, что «отец пытался покрыть стены и купол росписью, но всякий раз слои отваливались». В конце концов, он отказался от своих намерений, считая, что «декор святому неужоуден». Изнутри здание поддерживают две армированные сводчатые конструкции, которые вполне пропорционально делят его на три части.

Таков (вкратце) архитектурный облик усыпальницы ходжи Аби Дардо у слияния двух саев в селении Заурун.

Закончив его обследование, мы продолжили путь на Сиччу, зная, что на нашем пути есть еще два объекта почитания. Один

из них — родник, именуемый *Чишми Мут* («Родник Мут»), расположенный на некотором удалении от мавзолея ходжи Аби Дардо. Второй — *Бурсои Намозгох*, т.е. «можжевельники (послужившие) местом (совершения святым Аби Дардо) намаза», — почти в верхней части перевала. Сопровождаемые смотрителем мазара, мы обогнули кладбище, уходя по тропинке вверх к западу, а затем к северу. Отсюда открывается сверкающая в лучах солнца кровля усыпальницы святого в густой чаще деревьев. Мы пытались отговорить смотрителя святыни от намерений сопровождать нас дальше, но он стоял на своем, говоря: «До источника Чишми Мут».

Идя по саю, я старался проскочить мимо дома моих родственников по матери незаметно. Иначе невозможно будет отказаться от настойчивого в подобных случаях предложения «зайти на чашку чая». Конечно, невежливо отказываться от подобных предложений, но нам не хотелось терять время. Проходя мимо их дома на краю обширного и зеленого садово-земельного участка, я увидел группу женщин и детей, которые наблюдали за нами. Мужчин среди них не было. («Конечно, — подумал я, — в эту пору они на сенокосе»). Женщины меня не узнали, и мы миновали дом моих родственников.

На некотором расстоянии к западу от этого места находится названная выше *чишма*. Она у подножья довольно высокого и крутого склона. По преданию, святой Аби Дардо совершал ритуальное очищение перед намазом водой из этого источника. Поразительно чистая и ледяная вода двумя потоками струится по узким канавкам, один навстречу другому. Они тут же сливаются в ручеек, который несет живительную влагу в сторону участка моих родственников. «Источник целебный, — поясняет проводник Кийомиддин. — Лечит от разных кожных и желудочных заболеваний. Вода из него исцеляет многие недуги, разумеется, если выразить соответствующий *нийат* («намерение», «цель», «желание»). Например, если *нийат* выразить в словах *ба нийати шифои гурда* (пью воду из этого родника «с целью избавления от болезни почек), тогда, волей Аллаха, ожидаемое исцеление вполне может наступить». Рассказывая о целебных свойствах родника, проводник добавил, что многие паломники пьют из него

и набирают святую воду с собой. «Недавно приезжали из Киргизии», — закончил он.

Однако родник производит впечатление запущенного, из-за того что местные жители, вернувшиеся на родину предков, так сказать, приватизировали его, направив воду, которая в прежние (допереселенческие) времена питала речку Заурон, к своим садово-земельным участкам.

Название почитаемого родника — *Чиими Мут* — кажется таинственным, главным образом, из-за компонента *мут*. Похоже, оно связано с арабским словом *майит* в значении «мертвое тело» в том, предположительно, смысле, что когда-то в далекие времена вода из этого источника использовалась для ритуального очищения умерших перед выносом тела на кладбище. Не исключена и вероятность того, что умерший подвергался омовению не дома, как это мы наблюдаем в наше время, а за пределами жилища, возможно, у этого родника. В этом смысле вспоминается и компонент *нийат* в названии родника *Чиим(а)и нийат* — букв. «родник (исполняющий) желание» — в селении Мазори Шариф, как уже известно, по другую сторону перевала Сичча.

Не исключено, что и в этом случае слово *нийат* является переосмыслением того же слова *майит* в позднемусульманский период. Следовательно, можно предположить, что очищение тела умершего человека родниковой водой или, возможно, у самого родника имело место и в этом селении. К слову сказать, *Чиими Нийат* является неотъемлемой частью также почитаемого комплекса *Худжа Пандж* в одноименном кишлаке в правобережье Зеравшана на территории Республики Таджикистан. Кажется, в Центральной Азии в подобных примерах недостатка нет. Остается только проверить, в какой мере все это связано с высказанной нами гипотезой.

Кийомиддин, несмотря на настойчивые просьбы вернуться к выполнению своих обязанностей на святом объекте, продолжал сопровождать нас. На полпути к началу подъема к перевалу я услышал, как далеко на краю большого садово-земельного участка семьи (*бог*) несколько женщин громко зовут меня по имени, приглашая нас к чаю. Они уточняли: *и(н) хон(а)и Джуракул*, т.е. «Это дом Джуракула». Все это мне было известно, и поэтому

ожидаемо. Джуракул, мой родственник, с которым в совместных играх и развлечениях прошли многие мои годы, ушел из жизни. Казалось бы, нужно зайти к Саиду, его сыну, прочитать молитву за упокой души его отца. К тому же, когда Саид служил в рядах Советской Армии в Ленинграде, я навещал его. С точки зрения этикета, это тоже кое к чему обязывает.

Я отдавал себе отчет, что пренебрегаю правилами гостеприимства, тем, что для этих людей свято, но обстоятельства не позволяли следовать принципам традиции здесь и сейчас. Во-первых, я присутствовал на двух поминальных обрядах, которые устраивали родственники Джуракула за упокой его души, во-вторых, среди людей, которые звали нас на чай, самого Саида — хозяина дома и главы семьи — не было. Были только женщины и дети. Традиционно на Востоке принимать гостей-мужчин является обязанностью главы семьи, в данном случае Саида.

Так, взвесив все за и против, я, чтобы быть услышанным, громко прокричал: *да(р) бозгаит* («зайдем на обратном пути»), делая еще знаки рукой: мол, дойдем до *мазори бурсо и намозгох*, и обратно. Конечно, это было вынужденным лукавством: возвращаться назад никак не входило в наши планы. Но другого выхода не было. Так и на этот раз удалось относительно легко (хотя и с тяжестью на душе оттого, что обещал невозможное) выйти из положения.

Тропа, то теряясь среди груд камней, то опять едва появляясь, вела все вверх, пока мы не достигли начала подъема. Я украдкой посмотрел на К.С., который шел за мной. Было видно, что он и мир оторваны друг от друга, каждый из них существует сам по себе. Как будто он пытается открыть истину в самом себе, полагая, что остальной мир — солнце, земля, горы, саи, эти Терлецкий и Рахимов — вне его бытия, для него они суть иллюзия, сон, а реальность — внутри его сущности. Было бы неверно считать, что подобный идеализм был связан с его нынешним состоянием. Погружение в себя является для него обычным, привычным.

Это похоже на известную историю о знаменитом философе Беркли. Однажды он гулял с доктором Джонсоном, которого очень задевала идея Беркли о том, что весь мир — это просто

проекция разума, что реальность только Я. Джонсона особенно злило то, что он не мог логически опровергнуть идею Беркли, не мог доказать, что, к примеру, то дерево действительно существует. В конце концов, он поднял с земли камень и ударил Беркли по ноге. Потекла кровь, идеалисту было очень больно, и он, негодуя, сказал: «Как ты себя ведешь? Что плохого я тебе сделал, что ты ударил меня камнем? Ничего не понимаю!» Джонсон рассмеялся и ответил: «Я опровергаю твой идеализм. Если этот камень нереален, то почему ты закричал? Откуда эти слезы у тебя на глазах? Разве можно причинить боль нереальным камнем?» Беркли расхохотался. Он сказал: «Но моя боль тоже нереальна, нереальны и мои слезы. Реален я сам. Кто чувствует эти слезы, эту кровь, эту ногу, которая чертовски болит? Реален только я — чувствующий. Все прочее, доктор Джонсон, — и вы, и этот камень, и этот мир — совершенно нереально».

В какой-то момент мне казалось, что если бы я спросил К.С.: «Почему у вас такое хмурое лицо? Почему вы не веселы?» он, наверняка, ответил бы так же: «Все это нереально, реальность только я сам». Как в Коране, где сказано: «Нет Бога, кроме Бога».

Еще до начала подъема к перевалу я что-то сказал К.С., пытаясь подвести разговор к выразительному рассказу о диалоге средневекового религиозного философа и реформатора индуизма Шанкары с неприкасаемым¹. Он раздраженно оборвал меня: «Довольно, мне пока не до шуток!» Радовало слово «пока».

Наконец мы достигли почитаемых путниками деревьев можжевельника. Они расположены в нескольких десятках метров от гребня перевала с восточной его стороны. Объект представляет собой группу из четырех громадных реликтовых деревьев. Свидетельством того, что они почитаемы, являются лоскутки ткани, привязанные к их веткам (рис. 3). В душе я надеялся, что вот-вот появится какой-нибудь странник, и мы сможем увидеть, как он

¹ По рассказу, Шанкара медленно поднимался по длинным и крутым ступенькам. Некий неприкасаемый, проходя мимо, случайно задел его. Философ обрушился на него с потоком брани. Неприкасаемый сказал: «Ты ведь все время твердишь, что мир — *майя* (иллюзия, сновидение). Если это так, то и ты, и я — тоже иллюзия. Тогда зачем обижаться на то, что одна иллюзия коснулась другой иллюзии!»

совершает обряд. Выяснилось, что ныне в этих местах путник — редкая удача. Еще внизу у источника Чишми Мут смотритель мазара ходжи Аби Дардо рассказывал, как обычно путники останавливаются у сакральных деревьев, выражают свои *нийаты*, читают молитвы, а женщины привязывают к веткам лоскутки ткани, чтобы исполнились их желания. Благодаря своему расположению у самого гребня перевала почитаемые можжевельники отмечают и место остановки, служат своеобразным природным навесом, защищающим от жары или непогоды. В этом качестве культовые деревья заменяют определенные функции вяза (*сада*). Уже одного этого достаточно, чтобы вечнозеленый можжевельник стал объектом почитания.

Рис. 3. Почитаемый можжевельник на перевале Сичча.
Фото Н.С. Терлецкого, 2010 г.

Мы тоже немного отдохнули в тени одного из них. Когда Н.С. закончил фотографирование почитаемых объектов, встали и отправились в путь. Идти по петляющей тропе — долго, а наискосок — слишком круто. Предпочтение было отдано второму варианту. Константин не возражал. Когда мы достигли перевала, я громко закричал: «Ура! К.С. — герой!». Н.С. сделал паузу, а затем произнес: «Теперь мы с полным правом можем считать, что поставленная задача дня нами выполнена».

Вид с перевала поистине чудесный. С северо-восточной и северо-западной сторон — панорама селения Мазори Шариф и окружающих его холмов и склонов высоких гор. На заднем плане просматривается уходящая вдаль часть Зеравшанской долины, которая по мере удаления в сторону Самарканда расширяется все больше, создавая невообразимо красивую картину, где горы сливаются с равниной. На противоположной — восточной — стороне за перевалом в основном отроги Зеравшанских гор. Неописуем вид немного ниже самого перевала слева. Ландшафт — сочетание бархатно-зеленых бугров с фигурными очертаниями гор. Линии уходящих вниз склонов таковы, что производят впечатление раскрытого и дугообразно изогнутого веера. Как будто все создано человеческой рукой. Смотрю на К.С. Он довольный, улыбается, значит, возвращается к нему и реализм, который постепенно начинает сливать его с миром.

Восторг, который вызывал в душе каждого из нас вид с перевала Сичча, подтолкнул остановиться. Есть и другой повод — триумфальная трансформация взглядов К.С. от идеализма к реализму. У нас с собой были лепешки, помидоры, огурцы и бутылка коньяка от производителя — гусарского винзавода. Поистине превосходный на вкус коньяк называется *Джоми Джам* («Чаша Джамшеда») по имени четвертого царя из древнеиранской династии *пеидадийан*. Текст на этикетке, прикрепленной к горлу бутылки, гласит, что чаша, из которой пил Джамшед, отражал семь *кешвар'ов* — стран мира¹.

¹ *Джам* — Джамшед, сын Тахмураса, четвертый падишах из династии *пеидадийан* (по мифу. — Р.Р.), правил 700 лет. Изучал первое военное оружие, из-

Николай Сергеевич достал из своего рюкзака продукты и коньяк; но пить было не из чего. Пришла в голову идея изготовить рюмку из огурца. Опыт удался, хотя «зеленая рюмка» оказалась уж слишком мала — буквально на один глоток. Для такого коньяка, как *Джоми Джам*, это нормально. К.С. пришла в голову мысль отправить жене в Петербург sms-ку поделиться с ней нашим опытом. Сообщение было отправлено. Ответ последовал тут же. Из него явствовало, что наш опыт будет внедрен и в быт археологов, собирающихся ехать на Зеравшан. В составе экспедиции и Алиса — жена К.С. Когда мы были уже у западных подножий Сиччи, я в шутку спросил у К.С., не хочет ли он отправить Алисе новое сообщение и сказать, что мы пьем коньяк уже не из огурца, а из половины арбуза.

Спускаться вниз по горным склонам, к тому же по бездорожью, ничуть не легче, чем подниматься по ним вверх. Через какое-то время мы оказались у канавки с чистой и прозрачной водой у самого подножья склона. Для нас это было спасением. Канавка пересекала широкое зеленое поле с только что скошенной травой; воздух был насыщен ее запахом. Грех было не искупаться в такой воде. Прохладная и освежающая, она пахла еще и мятой.

Вдруг перед нами как из-под земли появились фигуры двух мальчишек-подростков. Почувствовав, что мы уходим, один из них едва слышным голосом произнес фразу, которая в переводе означает: «Отец послал нас за вами на чай». Я догадался: «отец» это Аслонбек. Дважды в последние два года я в числе друзей был у него в гостях. Оказалось, что Аслонбек узнал меня издали, когда мы были еще наверху. Он принял нас очень радушно. К *дастархану* были поданы чай, лепешки, сладости, каймак, топленое масло, приготовленное на местный манер кислое молоко и другие кушанья.

Угостившись, мы простились с хозяином, который своим трудом преобразил в Оби Сарое (предмесье Мазари Шарифа) это,

готовленное из железа, производство текстиля и изготовление из него одежды, судоходство и медицину. Во время его правления было установлено празднование *Науруза*. По преданию, у Джамшеда была чаша, которую называли *джами джаханбин / гетибин* («чаша, отражающая обитаемый мир»). Она отражала Землю, Небо и углы сочетания Планет. В той чаше Джамшед обзирал семь кешваров и благодаря этому был посвящен в тайны мироздания.

как я помню, каменистое место в райский уголок с множеством самых разных деревьев и сельскохозяйственных культур. Он проводил нас до северных границ своего «рая». Там мальчишки, которые сопровождали нас «на чашку чая», пасли довольно крупное стадо овец и коз. «Неплохо, — сказал я, указывая на стадо. — Это все Ваше?» «Да, ну что Вы. Моих — всего с десятков голов. Остальные принадлежат односельчанам. Мои пацаны выполняют функцию пастухов в период школьных каникул. К началу учебного года стадо будет разобрано хозяевами».

Не успели мы отойти от границ частного владения нашего гостеприимного хозяина, как из-за небольшого бугра выскочили «Жигули». Машина остановилась. Из салона вышли пять человек, среди них молодая женщина с ребенком на руках. Водитель что-то сказал нам на каком-то тюркском языке. По тадж. / перс. слову *гармчишма* («источник с теплой водой») я сообразил, что они — паломники, спрашивают о том, как проехать к почитаемому источнику с целебной водой. Что заставило их обратиться к священному источнику, было видно по женщине с ребенком: еще с детских лет знаю, что с Гармчишмой связано представление об избавлении от детских кожных болезней.

Источник находится примерно в километре от места встречи с паломниками. Но для машины дальше дороги нет, нужно идти пешком. Путники поблагодарили нас на ломаном таджикском и отправились вдоль канавки вверх к источнику, который берет свое начало в хуторского типа селении Чукурак, расположенном в окружении гор у основания перевала Сичча. Вода в Гармчишме одинаково теплая во все сезоны года. Обычно матери или повивальные бабки после прочтения соответствующей молитвы раздевают больных детей догола, несколько раз окунают в небольшой водоем, а потом окатывают их целебной водой, которая течет по стенкам скалы (в настоящее время по металлической трубе). Завершая необходимые процедуры, ребенка переодевают (перепеленают) в новую одежду, а снятую с него оставляют тут же на камнях и, не оглядываясь назад, возвращаются. С оставленной одеждой ребенка связывается поверье, что через нее молитвы следующих паломников за своих детей чудесным образом будут передаваться и ему.

Немного в стороне от дороги из Оби Сароя в Гусар есть еще один мазар, он мегалитический. Мне уже приходилось писать о нем [Рахимов 2008 б: 150].

Дорога Оби Сарой — Гусар все время идет вниз. Большая ее часть покрыта асфальтом. Прошли половину пути, как рядом резко затормозила попутная «Нива». В салоне оказались трое мужчин: двое моих дальних родственников и знакомый с детства. Они предложили сесть в машину. Мы согласились скорее из вежливости, поскольку настроены были идти пешком. Когда прибыли в штаб, племянницы, конечно, в шутку заявили, что ужин готов, но на двоих, без учета Константина Сергеевича. Услышав это К.С. как победитель выпрямился и спросил: «Почему без Константина Сергеевича? Я — в порядке». «А мы и рассчитывали именно это услышать», — сказали в один голос мои племянницы.

Библиография

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение (Из полевого дневника 2007) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2008 а. Вып. 8. С. 96–112.

Рахимов Р.Р. Таджики: За что камни и пещеры они почитают? // Иран-намэ. Научно-востоковедческий журнал. Алматы, 2008 б. № 3 (7). С. 144–172.

Рахимов Р.Р. Пути к святыне в теснине гор // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2009. Вып. 9. С. 140–159.

Рахимов Р.Р. Путь к вершине спасения (Или немного почти детективной этнографии) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2010. Вып. 10. С. 138–152.